Александр Зелёный

ЛУЧИК

Александр Зелёный

Лучик

«Автор»
2026

Зелёный А.

Лучик / А. Зелёный — «Автор», 2026

В каждом из нас живёт вера в чудеса. Ну, по крайней мере жила, пока мы были детьми. Чистая, искренняя детская душа, не обременённая алчностью, корыстью, завистью и равнодушием верит, что мир совсем не так прост, каким может показаться. За ширмой обыденности существует много того, что не поддаётся нашему, взрослому восприятию мира.Это трогательная история о девочке, искренне верящей, что в мире, полном мрака и боли, есть место для любви и сострадания. Ей предстоит столкнуться со страшной несправедливостью и с ужасом увидеть, что взрослые смирятся с этим. И тогда, наперекор всему, она отправится на поиски того, кто так же, как и она не перестал верить в чудо и кто сможет спасти самого близкого для неё человека.

© Зелёный А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
1. Лучик. 6
2. Поездка на море. 10
3. Вера в чудо. 14
4. Записка от бабушки. 18
5. Непредвиденные обстоятельства. 24
6. Молитва. 29
7. Новый день. 33
8. В гостях. 38
9. Новый путь. 44
10. Бесконечность пути. 49
11. Доброта внутри. 53
12. Особенности работы водителем. 57
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Александр Зелёный
Лучик

Пролог.

Все верят в чудеса. Даже самый последний циник, как бы он не кричал о собственной вере в реализм, в глубине души надеется на чудо. Особенно, если чудо необходимо ему самому или его близким. Страшно и скучно жить в мире, где нет надежды на что-то невероятное, возможно даже нелепое, но такое неожиданное и случившееся в самый нужный момент. Что-то, дающее нам намёк на то, что в мире есть нечто большее, чем наша бесконечная суета, ненужный хлам, кочующий с нами по жизни и бессмысленные слова, бесконечно сотрясающие воздух каждый день.

Но есть те, кто не потерял веру в чудеса. И их немало. Это дети. Безвинные, чистые души. Стоит взглянуть в детские глаза, такие чистые, такие светлые, незапятнанные ни жадностью, ни ложью, и сразу сам начинаешь верить, что мир не так прост, как нам кажется. И если где-то и существуют волшебники, то ими могут быть только дети.

1. Лучик.

Лучик жил в этой семье давно. Собственно, жил столько, сколько себя помнил. Его принесли сюда ещё щенком, в плетёной корзине с красивым красным бантом. Помнится, маленькая хозяйка по первости часто завязывала ему этот бант вокруг шеи. Сначала Лучику не нравилась эта дурацкая шёлковая лента, но потом он к ней привык. Тем более, что маленькая хозяйка приходила в восторг каждый раз, когда этот несчастный бант оказывался на его шее.

Вообще, почти все приятные воспоминания у него связаны с маленькой хозяйкой. Конечно, она иногда могла быть излишне приставучей и даже начать тягать Лучика за уши или хвост, но ведь делалось это не нарочно, конечно же. А так, от переизбытка чувств во время очередной игры. Любимые ведь всё стерпят, верно? И чего маленькая хозяйка точно никогда не делала, так это не ругала его. Конечно, в основном потому, что проказы у них были общие на двоих, но даже если он (опять же не нарочно, конечно же) мог позволить себе немного пожевать её тапочек или, упаси боже, одну из игрушек, то и в таких случаях она его не ругала. Максимум смешно хмурила брови, надувала щёки, но уже через минуту лезла обниматься и целовать в холодный влажный нос.

Имя ему тоже дала маленькая хозяйка. Когда она увидела его золотистую шерсть, особенно под утренними лучами солнца, заливающими её комнату через окно, так сразу и воскликнула: «Это лучик! Это же солнечный лучик!». Так его и назвали. Папа маленькой хозяйки тогда сказал, что такое имя как никакое другое подойдёт щенку породы золотой ретривер.

Саму маленькую хозяйку звали Оля. Единственный ребёнок в семье, всеобщая любимица. В свои двенадцать лет она была очень умной и смелой девочкой. А сколько всего они пережили вместе! Даже плавать они научились в один день. Все прогулки, все купания, все путешествия: всё-всё они делали вместе и только вместе. Когда Лучик подрос, он вообще перестал отходить от своей хозяйки. Оля – самая хорошая и самая добрая хозяйка в мире, он не сомневался в этом ни на мгновение. С ней всегда весело, а когда она начинает смеяться, то словно звонкие хрустальные колокольчики заполняют своей мелодией весь мир и настроение поднимается само собой.

Семья Оли жила в двухэтажном частном доме. Не особняк, конечно, но у родителей всё же был повод гордиться собой. Вокруг дома был небольшой сад, в котором вполне можно было разместить будку или даже вольер для пса, но девочка наотрез отказалась расставаться с псом даже только на ночь. Поэтому Лучик жил в её комнате. Папа, выросший в деревне и вдоволь насытившийся деревенской жизнью, имел стойкую неприязнь к огороду и сельскому хозяйству и потому всю территорию вокруг занимали газон, кустарники и плодовые деревья. Сад использовался только для пикников и игр дочери со своим псом.

О, сколько у них было приключений! И надо сказать, не все заканчивались удачно. Однажды осенью Лучик угодил в самую грязную лужу на планете Земле. Если судить по вони, по крайней мере. Безусловно, это была случайность. Отчитывали не только её, но и Олю, не сумевшую уследить за своим питомцем. Но справедливости ради стоит сказать, что у маленькой хозяйки были неприятности и по её собственной инициативе. Хотя бы вспомнить, как она вздумала со своим верным псом отправиться в поход в соседний город, никому ничего не сказав. Стоит ли беспокоить родителей ради таких мелочей, верно? Меньше всего в тот раз злились военные, которых привлекли для поиска семилетней девочки: солдаты смеялись и искренне радовались, что ребёнок нашёлся целым и невредимым. Родители, конечно, рвали и метали. Но в конечном счёте, они всегда успокаивались. Как часто говорил папа: «Главное, что все живы и здоровы. А остальное – приложится».

Одним словом, они были той ещё парочкой. И останавливаться на достигнутом, конечно же, не собирались. Поскольку запреты, как известно, лишь закаляют вольный дух и предназна-

чены для того, чтобы их нарушать. У них было много планов на предстоящее лето, особенно на ежегодную поездку на море. Ждать вожделенного путешествия с родителями Оля и Лучик стали ровно в тот день, когда закончилось предыдущее. То есть, почти целый год! А когда вам так же немного лет, как и им, то год для вас – всё равно, что целая жизнь.

Обычно все четверо – мама, папа, Оля и Лучик – отправлялись на море на их машине. По пути всегда было много интересного, нового и захватывающего. Кому-то подавай пятизвёздочные отели и перелёты первым классом, а им хватало их дружной компании, ощущения свободы и дороги, по которой можно ехать. Иногда они даже ночевали под открытым небом, свернув с трассы и разбивая палатку где-нибудь в поле или на опушке леса, откуда смешно ухали совы.

Но последнее время девочка стала много грустить. Сначала Лучик подумал, что дело в возрасте: как-никак, двенадцать лет – это не шутка! По меркам пса Оля была уже умудрённой жизнь дамой. Или, возможно, она печалится из-за контрольных в конце учебного года: он сам, когда вспоминал свой курс дрессировки, сразу хотел взвыть изо всех сил.

И всё же дело оказалось в другом. Оля грустила, потому что заболела её мама. Конечно, все люди болеют время от времени, в этом нет ничего удивительного и сначала девочка не придавала этому особого значения. Все говорили ей, что это простуда и скоро всё наладится. Но время шло, а болезнь никак не отступала. День ото дня, мама становилась всё более тихой и сонной, а папа – всё больше мрачнел. Происходило что-то странное.

Пока мама болела, Оля проводила гораздо больше времени с бабушкой. И в этом не было ничего плохого! Бабушка добрая, знает много интересных и невероятных историй. А ещё у неё всегда найдутся настоящие большие книги с яркими картинками. Так здорово сидеть с бабушкой рядом и слушать очередную сказку! Да, Оля уже большая и сама может читать книги, но есть что-то волшебное в таких вечерах вдвоём. Втроём, если считать Лучика, исправно ложившегося в ногах девочки и дремавшего до самого конца истории.

Кстати, изменения коснулись не только состояния мамы. Бабушкины глаза последние дни часто блестели, словно она вот-вот заплачет. Оля каждый раз удивлялась: неужели бабушку могла так растрогать детская сказка?

Это был один из таких вечеров со сказкой. В комнате уютно светил старомодный торшер с жёлтой лампой, от которого бабушка наотрез отказывалась избавиться. Он отбрасывал на бежевые стены причудливую тень, сгущающую тьму в углах. На стене мерно тикали часы, единственные настенные часы в их доме. Звук отчётливо щёлкал, отпрыгивая от стен и потолка. На полу лежал старинный, бордовый ковёр. Давно стоптавшийся, от мягкости ворса давно не осталось и следа, но это была одна из тех вещей, нужных не для красоты, а для уюта. В дальней части комнаты, куда не доставал свет торшера, темнел квадратный комод, поблескивающий золотистыми ручками, словно глазками. Рядом с ним – кровать, исправно заправляемая цветастым клетчатым покрывалом. С другой стороны от кровати стояла лёгкая, как будто невесомая этажерка с маленькими горшочками комнатных растений, шкатулками с бижутерией и томиком Чехова. Бабушка сидела в глубоком мягком кресле, а Оля устроилась на подлокотнике, чего, конечно, делать нельзя. Но можно, если такую провинность не замечает папа. Впрочем, последнее время он вообще не обращал внимания на такие мелочи, весь погружённый в тяжёлые думы. Лучик мирно посапывал у них в ногах, совершенно равнодушный к истории из книги. Иногда бабушка слегка почёсывала ему бок ногой в носке. Она думала, что это приятно, но Лучик просто не обращал на такое внимания: у любой старушки могут быть причуды, не стоит обращать на них внимания. На причуды, не на старушек.

В тот уютный вечер бабушка прочитала Оле очень хорошую и интересную сказку. Про доброго волшебника, способного исполнять самые сокровенные желания. Только желание должно быть по-настоящему искренним. Это должно быть то, чего человек на самом деле хочет всей душой и сердцем. Жил волшебник далеко-далеко, за горами, за лесами, там, где бескрайние луга, дремучие леса и гуляют медведи. Там нет дорог, есть лишь узкие аккуратные тро-

пинки. Оле запомнилась картинка, изображающая жилище волшебника: маленькая избушка с конусообразной крышей неестественной высоты, в два раза выше самого домика. Вокруг раскинулась аккуратная полянка с невысокой желтоватой травой и стеной деревьев позади. По голубому небу плыла парочка беленьких облачков, не претендующих ни на порчу погоды. Да и ведь это жилище волшебника: вряд ли он позволит каким-то там тучам испортить ему день. В общем, место обитания было более, чем стандартное для мифического существа. Примерно так изображают дом бабы-Яги, только в нашем случае у здания отсутствовали курьи ножки. Картинка была очень уютная, от неё веяло теплом, безмятежностью. В таком месте не хочется спешить. Хочется сесть на старую, рассохшуюся, потемневшую от времени лавку возле дома, подставлять лицо солнечным лучам и слушать трели птиц, скрывающихся где-то в зарослях.

Оле очень понравилась история о волшебнике. Она кивнула на картинку с жилищем сказочного персонажа, исполняющего сокровенные желания.

— А где это место? Где он живёт?

— Не знаю, — рассмеялась бабушка. — Наверное где-то в Сибири, раз там только медведи и тропинки. Был бы он поближе, его бы уже давно нашли.

— Как деда Мороза в Великом Устюге?

— Да. И к нему каждый день приезжали бы толпы детей. Как бы он тогда работал? Ничего не успеешь, когда тебя всё время отвлекают.

— Но ведь его работа – исполнять желания, — возразила Оля. — Получается, ему нужны те, кто их будет загадывать. Без них, чем ему заниматься?

— Ну, наверно не всё так просто, — ответила бабушка, снимая очки в толстой старомодной оправе. — Наверняка поэтому он и живёт там, куда не ездят поезда и не летают самолёты. Чтобы твоё желание исполнили, нужно не просто этого хотеть. Нужно преодолеть трудности, доказать, что ты всей душой хочешь того, что собираешься попросить. Показать, что трудности и неудачи не остановят тебя. Характер проявить.

Девочка задумалась.

— Но если он волшебник, он и так знает, действительно я этого хочу или нет, так ведь?

Лучик, почуяв, что со сказкой покончено поднял голову и вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Да, Лучик, — вздохнула Оля. — Пора спать.

Но быстро уснуть в тот вечер не удалось. Ещё долго она думала о волшебнике, а перед глазами всё стояла картинка со странной избушкой. Избушкой, каких, наверно, не бывает в нашем мире. Даже там, где только медведи.

В окно её комнаты, сквозь тонкую тюль, лился серебристый лунный свет. Всё выглядело посеребрённым, серым, таким непривычным. Стол, шкаф, стул – углы предметов удлинялись, становясь какими-то воздушными, словно сотканными из этого света. Всё вокруг становилось нереальным, таким, что не может существовать в действительности. Именно поэтому, ночью, когда всё становится серым, с невозможными пропорциями, так легко перейти от яви ко сну, как будто сам мир вокруг тебя становится проводником, меняясь под лунным светом.

Где-то там в полумраке бессовестно храпел Лучик. Оля лежала на спине и смотрела в белый потолок с едва видимыми маленькими звёздами – потолок имел чуть выпуклый узор звёздного неба. Девочка сжимала в кулачках край одеяла и хмурила брови.

Всё никак из головы не шли слова о том, что нужно пройти через трудности, чтобы получить исполнение желания. Почему? Почему это обязательно? Оле, как и любому ребёнку, было совершенно неясно, почему чего-либо добиться в жизни можно только сквозь страдания и лишения. То была выдумка взрослых и в мире детей такому отвратительному правилу не было места. В мире маленьких чистых сердец искренность была главным критерием истины. Если человек действительно чего-то хочет, значит, нет никакого смысла это доказывать. Испытания здесь выглядели как какое-то издевательство, призванное точно не для того, чтобы проверить

искренность человека. И, если подумать, то именно вечная необходимость что-либо доказывать, даже самые очевидные и чистые помыслы, и делают наш мир зачастую таким неуютным местом.

2. Поездка на море.

Оля почувствовала солнечный свет ещё до того, как открыла глаза: лучи падали на её лицо, ярко освещая мир даже под закрытыми веками. Она улыбалась и представляла, что весь мир состоит из этого света, залит этим ярким золотом. Оля с удовольствием потянулась, повернулась на бок в своей мягкой кровати, шурша одеялом, и открыла глаза.

Разумеется первым, кого она увидела, был Лучик. Верный друг часто дышал, смешно высунув язык и приветственно махал хвостом.

— Доброе утро, — сказала девочка чуть осипшим от сна голосом. — Тоже хочешь всех обрадовать?

Лучик радостно гавкнул и ткнулся ей в лицо холодным влажным носом. Ещё бы! Ведь сегодня первый день летних каникул! А это значит, что хозяйка не будет ходить в дурацкую школу, где она пропадала пол дня, а потом ещё пол дня сидела за уроками. У них теперь будет куча новых приключений, игр, почёсываний, поглаживаний и, самое главное, скоро они поедут на море! О, это лучшее время в году! Там будет много новых запахов, новых друзей, новых детей и все они будут его гладить, чесать и, возможно, даже угощать вкусняшками. Главное стараться кушать их так, чтобы хозяева этого не видели. А то можно лишиться ужина, а это, само собой, недопустимо.

Оля свесила ноги с кровати и нарочито внимательно осмотрелась вокруг себя. Она всегда это делала в первый день лета: чтобы получше запомнить обстановку перед предстоящей поездкой. Да, понятное дело, что поедут они не сегодня, но ей нравилось повторять этот ритуал именно в первый день лета. Это была точка отсчёта. Деление на «до» и «после». Новый год, конечно, очень классный праздник, но начало лета – тоже весьма важное событие, разделяющее год календарный. Вокруг неё была всё та же знакомая обстановка, залитая золотистым утренним солнечным светом, прорывающимся сквозь тонкую тюль на окне .Оля специально летом не задёргивала тяжелые шторы, чтобы просыпаться вместе с солнцем. Не из тех была эта девочка, кто любит валяться в постели до обеда. Оля обожало утро: когда весь мир только-только просыпается, всё дышит свежестью, бодростью и до ночи, как до финала дня, ещё так далеко. Её взор медленно плыл по окружающей обстановке: высокий белый шкаф с её одеждой, сплошь заклеенный всевозможными стикерами и наклейками так плотно, что не сразу можно было догадаться, где здесь дверцы и ручки на них. Раньше папа пытался бороться с этим, но затем махнул рукой: справедливости ради стоит сказать, что он никогда не был против такого, просто напускал важности и строгости «в воспитательных целях», правда получалось у него это неважно. Уж слишком он мягкий человек. Рядом со шкафом – письменный стол, на котором теперь, до сентября, не посмеют появиться ни одна тетрадь или учебник. Только интересные книжки, пластилин и, может быть, раскраски сейчас достойны места. Ещё имелся небольшой открытый стеллаж с её книгами. Яркие корешки и цветастые названия обещали захватывающие и невероятные истории. Для игрушек в её маленькой комнатке места особо не нашлось, но сам дом у их семьи был большой, так что гостиная, где по вечерам собиралась семья, чуть ли не отказа была забита самыми разными игрушками: настольными, мягкими, развивающими и бог знает какими ещё.

Ах да, ещё имелся, в самом углу, старый сундук. Строго говоря, он вовсе не старый и не совсем сундук. Это был стилизованный под оный контейнер для игрушек. В нём Оля хранила дорогие сердцу, пусть и не самые крутые, игрушки, с которыми когда-то проводила уйму времени и теперь ни за что не хотела расставаться. В основном, там хранились мягкие игрушки и даже её игрушка-мобиль, висевший над её кроваткой, когда девочка была ещё младенцем. Уж очень классные на нём были медвежата.

Оля вскочила с кровати и, прямо в пижаме, выбежала в коридор, шлёпая босыми пятками. Надо поскорее узнать, когда именно они поедут на море. Ведь столько всего ещё надо распланировать! Выбрать, что возьмём с собой из игрушек, составить план приключений, собрать рюкзак со всем необходимым, да и для Лучика тоже надо подобрать любимую игрушку в поездку. В общем, зря терять время не стоило.

Она бежала по коридору, шлёпанье пяток гулко отскакивало от стен и почему-то ей показалось, что в доме слишком тихо. Да, ранний час, но последнее время в их доме почему-то всегда тихо. Из родительской спальни вышел задумчивый и сильно небритый папа. Он медленно шёл по коридору, словно плыл, взгляд блуждал по стенам и лишь скользнул по фигуре любимой дочери.

— Папа! — вскрикнула Оля так, что он вздрогнул. — Папа, ты уже решил когда мы поедем на море? Маме ведь уже стало лучше? Ведь да?

С минуту он молчал, словно пытаясь собраться с мыслями. Взгляд, потерянный и ничего не выражающий, по-прежнему блуждал по стенам, пытаясь найти за что зацепиться. Наконец, его глаза нашли глаза Оли.

— Поедем? — переспросил папа. — Куда поедем? Я в магазин попозже поеду, зайка. Тебе купить что-нибудь? Мармеладок? Мороженого?

— На море, — терпеливо и вкрадчиво повторила девочка. — На море когда поедем? Настало лето.

Папа посмотрел на неё так, словно только сейчас увидел. Он присел на корточки и поцеловал её, уколов щетиной.

— Мы пока не можем поехать на море, зайка, — и голос его почему-то задрожал. — Мама какое-то время не будет вставать с кровати. Чтобы быстрее поправиться, понимаешь? А когда ей станет лучше, то мы обязательно поедем. Куда скажешь, куда только пожелаешь. Пойду сделаю тебе завтрак, малыш.

Отец побрёл на кухню, словно во сне, едва передвигая ноги. «А как же мама? — подумала Оля. — Вдруг она тоже будет завтракать? Надо у неё спросить». Она побежала к родительской спальне, но возле самой двери остановилась и прислушалась. Мамино дыхание. Его слышно даже отсюда. В последнее время оно стало тяжёлое, с каким-то свистом на выдохе. Как будто ей приходилось делать над собой усилие, чтобы дышать.

Оля тихонько открыла дверь. Шторы, как всегда, были закрыты. Между ними оставалось тонкая полоска света, упрямо рвущегося в полумрак комнаты. Там, за шторами, набирал силу новый день, а здесь, в тени, в мятой постели и недвижимом воздухе, застыл день вчерашний. Мама лежала на кровати, без одеяла, в своей длинной ночной рубашке. Глаза глубоко запали в глазницах, скулы остро выпирали, пытаясь прорвать кожу, а сама кожа почему-то стала немного желтоватой, как у одной из тех восковых фигур, что выставляют в музеях. Кажется, мама спала: глаза прикрыты, грудь медленно вздымается. Но всё же Оля тихонечко вошла и встала возле самой кровати опёршись о дверной косяк и не решаясь пройти дальше. Телевизор на стене показывал какую-то скукотищу: важный дядька в строгом костюме монотонно зачитывал что-то по бумажке. В комнате пахло лекарствами и чем-то ещё. Чем-то неуловимым, непонятным, но очень мерзким. Зловещим. Страшным.

Мама вздохнула особенно глубоко и открыла глаза. Сначала глаза застилала пелена, но через мгновение взгляд прояснился и остановился на Оле. Мама поморщилась, словно пыталась что-то вспомнить. Затем с трудом разлепила губы.

— Оля? Это ты? Мне показалось, что это сон.

— Мама, — робко начала девочка. — Ты будешь завтракать? Папа пошёл готовить завтрак и забыл спросить тебя, будешь ли ты завтракать. Он такой рассеянный, правда?

Мама с трудом улыбнулась краешкам рта.

— Нет, милая, я не хочу пока завтракать. Я не голодна. А ты иди, покушай, ладно? Тебе надо хорошо кушать. А потом мы с тобой поболтаем. Утром. Сейчас уже вечер, нужно поспать.

Оля открыла было рот, чтобы спросить про поездку, но прикусила язык. Мама закрыла глаза и, кажется, опять уснула. Дыхание вновь вырывалось с неясными хрипами и свистом. Не сводя с мамы глаз, Оля стала пятиться к двери. Девочке было страшно. Она не могла понять, почему так страшно, но всё её существо кричало, что в этой комнате происходит что-то очень плохое. Сердце бешено колотилось в груди, как будто Оля только что пробежала марафон.

Воздух в коридоре настолько отличался от запаха в спальне, что Оля вздохнула полной грудью. Она хватала ртом воздух, стараясь отдышаться и всё силилась понять, что же её так напугало. Из кухни медленно вышел папа.

— Иди кушать, — объявил он глухим голосом.

Лучик уже позавтракал и терпеливо смотрел на хозяйку в ожидании одной из самых весёлых частей дня – утренней прогулки. Оля лениво ковырялась ложкой в тарелке с ненавистной кашей, пропади она пропадом. Папа пил кофе и смотрел в стену. Наконец, он посмотрел на дочь стеклянным взглядом.

— Сегодня приезжают дядя Женя и тётя Алина. После обеда. Ещё послезавтра приедут деда Толя и тётя Марина.

Оля было обрадовалась: брат папы и его жена, а также дедушка и тётя Марина всегда дарят подарки (причём не только ей, но и Лучику и у него, кстати, игрушки бывают даже лучше!), с удовольствием слушают истории об её приключениях и искренне сопереживают. Но уже через секунду задумалась: обычно все они приезжают к ним в гости только на новый год или на время других каких-нибудь праздников. Но всё равно хорошо. Они весёлые и у них всегда есть что-нибудь вкусненькое. Но вот уж кто, кто, а деда Толя и тётя Марина летом – это уж точно чересчур. Намечалось что-то важное.

Никаких шумных приготовлений к приёму гостей в этот раз не было. Мама не суетилась на кухне, папа не доставал большой раздвижной стол, за которым все могут поместиться, а в доме не играла какая-нибудь музыка для придания атмосферы праздника. Вокруг по-прежнему было странно тихо. Наверное, папа хочет дать маме спокойно отдохнуть. В этом нет ничего удивительного.

И они действительно приехали после обеда. Как и говорил папа. Приехали не только дядя Женя с тётей Алиной и деда Толя с тётей Мариной. Приехали и другие, совсем уж дальние родственник. Настолько дальние, что некоторых Оля видела их впервые в жизни. Да и не то, что видела – слышала о них первый раз за всю свою долгую двенадцатилетнюю жизнь.

Вот только почему-то с приездом гостей дом не наполнился обычным шумом. И ощущение праздника так и не появилось. Все ходили так тихо, разговаривали так негромко, словно боялись кого-нибудь разбудить, хотя был ещё разгар дня. Женщины промакивали глаза платочками. А на Олю все смотрели с жалостью, хотя у неё не было ни единой тройки за год! Это уже было просто невежливо!

Вторя взрослым, девочка тоже стала передвигаться по дому на цыпочках, раз уж это так важно. Лучик следовал за ней по пятам, прижимая уши к голове. Он чуял неладное. Оля не находила себе места. Уже шла вторая половина дня и обычно после того, как в это время к маме приходит доктор, она начинает чувствовать себя гораздо лучше, и это означало, что можно было предложить ей вместе посмотреть мультики. Раньше это было их любимое развлечение: завалиться вместе на кровать со всякими вкусностями и смотреть весёлый красочный «полный метр». Оля обычно в такие моменты ела мороженое. Мама мороженое давно не ест. Наверное худеет. И у неё это хорошо получалось: за последнее время мама действительно сильно похудела.

Неслышно ступая, Оля шла в родительскую спальню, чтобы узнать насчёт мультиков, когда услышала в соседней комнате разговор. Говорили папа и дядя Женя. Оля подошла

поближе и, осторожно, одним глазом, выглянула в дверной проём, не глядя отпихивая ногой любопытного Лучика, норовящего вылезти вперёд. Кроме папы и дяди Жени, в комнате была бабушка, она сидела на диване, выламывала себе пальцы и всхлипывала.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил дядя Женя папу, стоявшего у окна и скрестившего руки на груди. —Может, другие врачи нужны? Или клиника? Ты только скажи что делать нужно. Всё ж сделаем.

— Ничего уже не сделаешь, — ответил папа, не отрывая взгляда от окна. — Не в клиниках дело и не во врачах. Думаешь, если был бы хоть какой-то шанс, я б за него не ухватился? Ты, да и все в этом доме знают, что случай безнадёжный. Случай, когда ничего не поможет. Даже если бы и нашлась какая-нибудь чудо-клиника, она уже не транспортабельна. Этот дом она уже не покинет.

Бабушка вскинула на него полные слёз глаза, а он упрямо взглянул на неё.

— Я гипотетически про клинику, — папа повернулся к дяде Жене. — Всё это теперь не имеет значения. Слышал про паллиативное лечение? Вот теперь осталось только оно. Поддерживающая терапия. Чтобы последние недели не были для неё особенно мучительными. Остаётся только решить, где она будет его получать. Здесь или в хосписе.

— А что она решила на этот счёт? Она же знает диагноз? Ты говорил с ней?

— Нет, насчёт хосписа не говорил. Не знаю, как начать разговор. Понимаешь, с тех пор, как мы узнали диагноз, мы никогда не говорили о прогнозах. Я от неё ничего не скрывал. Да и врачи не скрывали. Но откровенно о будущем мы никогда не говорили. Делаем вид, что всё как прежде, — папа горько усмехнулся. — День за днём. Тут она по крайней мере дома. А там – сплошная больница до самого последнего дня. Но, повторюсь, она может и не пережить дорогу, если выберем хоспис в конечном итоге.

— Может, стоит врачам поговорить с ней об этом? У них опыт в таких вопросах.

— Нет, это должен сделать я. И пусть она сама решит. Думаю, всё же захочет остаться дома. Но я беспокоюсь за Олю. Она будет видеть как мама увядает. Как она мучается в агонии. Как перестаёт понимать, что происходит вокруг в последние дни. В её возрасте это особенно тяжело.

— А сколько их осталось, этих дней? На что ориентироваться?

Папа вновь усмехнулся.

— Врач очень поэтично выразилась на этот счёт. «До первого листопада», так они сказали. Получается, до сентября-октября, не позже. Не представляю, как сказать Оле об этом. Не могу даже думать о том, что её ждёт.

Не помня себя, Оля стала пятиться. Лучик тёрся об неё своим тёплым боком, чувствуя настроение хозяйки. «Не может быть, — стучало в её голове. — Этого не может быть. Это всё неправда». Какая-то часть души кричала, что нужно бежать к маме, рассказать, что папа говорит какую-то ерунду. Что он ошибается и придумывает страшные штуки. Что нужно как можно быстрее уже наконец выздороветь и доказать ему, что он не прав. И у бабушки нет причин плакать. Как можно было выдумать такую ерунду?! Нужно скорее напоить маму всякими полезными лекарствами и ехать наконец на море!

Оля развернулась и стремглав бросилась прочь, не разбирая дороги. Лучик побежал следом.

3. Вера в чудо.

На всей Земле было ровно одно место, куда могла побежать Оля в таком состоянии: её секретный шалаш в дальней части их сада. О нём не знала ни одна живая душа, кроме дедушки и Лучика. Но оба они никогда не выдадут тайны, в этом можно не сомневаться.

Её секретное место – сродни деревянной коробке шалаш – был сколочен из досок и закрыт листами фанеры. Со временем дерево потемнело и рассохлось и вскоре секретный штаб окончательно развалится, но это ничего: Оля всё равно уже с трудом в него помещается. Для пущей маскировки дедушка обложил шалаш ветками. За что, кстати, в своё время получил от мамы по ушам, поскольку оборвал эти несчастные ветки с ближайших деревьев. Внутри стоял миниатюрный столик и стульчик, больше подходящих по размеру кукольному домику. Оба давно не использовались. Оля обычно сидела на видавшем виды ковре, постеленном на доски. Здесь же находился грубо сколоченный ящик для самых секретных вещей. Обычно Оля пряталась здесь с Лучиком после особенно неудачных приключений и пережидала бурю праведного родительского гнева.

Сейчас она сидела, обхватив колени руками и горько плакала. В её разуме рос упрямый гнев. Почему? Почему именно мама? За что? Что она такого могла сделать? Ведь это самый добрый и милый человек во всём мире! Оля не понимала и не могла подобрать слов даже для себя, чтобы выразить собственную ярость. За гневом пришла и обида на весь мир. Оля ненавидела и проклинала всё и всех вокруг. Все они были виноваты. Никто из них теперь и за тысячу лет не сможет вымолить прощение. Виноваты они были в том, что они здоровы, что они будут жить и радоваться, а её мама умрёт. Оля задыхалась от обиды.

Что-то холодное и влажное ткнулось ей в плечо. Оля открыла глаза. Лучик стоял рядом и тыкался в хозяйку носом, надеясь во что бы то ни стало утешить её. Других способов утешения людей пёс, к сожалению, не знал. Оля обняла друга, прижала его к себе и разрыдалась в голос. Лучик тяжело вздохнул. Сейчас их было всего двое, весь остальной мир исчез, сжался до размеров деревянной коробки на окраине сада. Только здесь было тепло, только здесь был свет. А вокруг – лишь колючая, бесчувственная бездна.

Так они просидели до позднего вечера. К этому моменту все слёзы были выплаканы, Оля оказалась опустошена своим горем. Мыслей не было, равно как и желаний. Сидеть стало невыносимо, ноги давно затекли и она побрела обратно, домой, в свою комнату. «Наверное, нужно лечь спать, — думала Оля. — Завтра всё будет хорошо». Но завтра ничего не могло быть хорошо и они оба – Лучик и Оля – прекрасно знали это. Девочка остановилась перед дверью, ведущей в дом, и вдруг внимательно посмотрела на друга. Лучик неуверенно махнул хвостом.

— Да, Лучик, ты прав, — прошептала Оля. — Взрослые сдались. Они не верят, что мама может поправится. Но это не значит, что и мы должны сдаваться!

Оля бросилась в свою комнату. Лучик еле поспевал за своей хозяйкой. Стоило ему зайти следом, она поплотнее прикрыла дверь. С минуту Оля слушала, не идёт ли кто по коридору. Но всё было тихо. Кажется, все, кого папа смог разместить в доме, уже спали. Или опять соблюдали тишину, царящую теперь здесь.

— Они сдались, — повторила Оля. — Но я не понимаю, почему.

Она прошлась по комнате и достала из шкафа свой школьный рюкзак, затолкнутый в самый дальний его угол.

— Как они могли сдаться? Как мог сдаться папа? Он ведь сам всегда говорил, что никогда нельзя сдаваться. Что добро всегда побеждает. И бабушка так говорила. Что Тьма всегда отступает. Они же сами говорили, что нужно верить в чудеса, верно? А что сами?

Лучик молчал. Он наклонял голову то влево, то вправо. Словом, как мог указывал на свою солидарность с хозяйкой.

У Оли всё никак не шла из головы история о добром волшебнике, рассказанной бабушкой. Исполняет самые сокровенные желания. Вот кто сможет ей помочь! На самом деле, эта мысль крутилась у неё в голове с того момента, как она начала плакать в своём тайном шалаше. Сама не до конца понимая, что решение уже принято, она только сейчас смогла чуть успокоить хаотичные мысли и тогда идея ясно встала перед её внутренним взором. Волшебник. Конечно, он исполнит её желание! Потому что вряд ли в мире существует более сокровенное желание, чем спасение мамы. Осталось только выяснить, где он живёт. Оля наморщила лоб, силясь вспомнить сказку. Мрачные мысли о маминой болезни, от которых к горлу подступал комок, норовили затмить все остальные, но она гнала их прочь. Вспомнила! Волшебник той сказки жил в Сибири!

Она бросилась к письменному столу, открыла выдвижной ящик, закусила губу, увидев царивший там бардак и с шумом стала расшвыривать фломастеры, блокноты, проводочки, резинки для волос и прочую ерунду, силясь найти цветастую толстую книжицу. Прошлым летом, когда они всей семьёй ездили на море, папа купил на заправке, смеха ради, старый дорожный атлас. Да, сейчас есть навигаторы и смартфоны, но ему показалось забавным иметь вот такой вот осколок прошлого. Потом, когда они вернулись домой, Оля выпросила его себе на память. И с тех пор атлас валялся в одном из ящиков.

Не без труда, но ей удалось его найти его. Оля долго водила пальчиком по страницам, брови сошлись на переносице, но всё же нашла таинственную Сибирь. Она оказалось большой, даже можно сказать, огромной. А вот дорог, по крайней мере больших и жёлтых, как было в других регионах на карте, здесь нарисовали совсем мало. Размер Сибири совершенно не смутил девочку. Главное, что найдено направление.

— Вот куда нам надо, — торжествующе заявила она Лучику.

Пёс улёгся на пол и накрыл глаза лапой. Это означало, что он не в восторге от затеи. Впрочем, он привык доверять хозяйке в вопросах путешествий и выбираемых маршрутов. Стоило довериться и сейчас. Его главное задача – оберегать её, во что бы то ни стало. Оля нашла на карте знакомое название – соседний город, где раньше жила бабушка и который был точно ближе к Сибири, чем родной дом. Вот первый пункт её путешествия.

Оставалось только собраться в дорогу. Сомнения ни на секунду не остановили её. Да их и не было. Девочка затолкала в рюкзак несколько трусов, носков, положила тёплую кофту, ещё одни штанишки и даже лёгкую ветровку. Дедушка раньше любил брать внучку на рыбалку и в походы, так что определённый опыт сборов в путешествие у неё был. Оля с сомнением посмотрела на тёплую куртку, затем – на опасно раздувшийся рюкзак. Так или иначе, осенняя, а уж тем более зимняя одежда не понадобится, ведь им нужно успеть до первого листопада. Тёплые вещи с собой не пригодятся. Туда же, в рюкзак, отправился подаренный дедушкой компас. Оля всегда очень гордилась тем, что умеет им пользоваться. А какое может быть путешествие без компаса?

— Так, — сообщила она, уперев руки в бока. — Ещё нам нужны провизия и вода.

При словах о провизии Лучик заметно оживился.

Из угла, где стоял сундук с Олиными игрушками послышался неясный шорох. Оля застыла на месте. Первое, что пришло в голову – это мышь. Она даже ясно представила её: серенькую, с длинным тонким хвостиком и крошечными ушками. Но откуда у них могла завестись мышь? Интересно, а она ручная? Может, получится её приручить? Шорох повторился, хотя скорее это было больше похоже на невнятное бормотание. К нему приглушённая добавилась возня.

Первый страх прошёл. В конце концов, если Оля планирует пересечь полстраны, чтобы спасти маму, то уж какого-то писка точно не стоит бояться. Она решительно подошла к сундуку и откинула крышку одним движением, напустив на себя как можно более грозный вид. Ничего особенного там не обнаружилось, только ворох старых мягких игрушек, улыбающихся

ей глазами-бусинками. Но под ними, в глубине, точно кто-то шуршал. Теперь это стало слышно особенно отчётливо. Оля раскидала верхний слой игрушек, ахнула от удивления, зажала себе рот ладонями, чтобы не закричать и попятилась от сундука.

Из-под игрушек выбрался Тузя. Маленький плюшевый медведь, когда-то любимая Олина игрушка. Она везде таскала его с собой и от того у него теперь был весьма потрёпанный вид: правая лапа пришита заново, а вместо одного глаза красовалась пуговица, поскольку «штатный» глаз давно потерялся.

— Тузя, — неверяще сказала Оля сквозь ладони. — Ты живой!

— Конечно живой, — проворчал Тузя, окончательно выбравшись из-под игрушек и усевшись на край сундука. — Чего мне сделается? Или ты думаешь, что я тебя в такую даль одну отпущу? Провизию взяла?

Оля отрицательно замотала головой. Тузя спрыгнул на пол и, заложив лапы за спину, смешно проковылял по комнате, осматриваясь по сторонам. Лучик с подозрением посмотрел на него и приблизился к игрушке с явным намерением его обнюхать.

— Так, ты мне это брось, слюнявый, — Тузя замахал на пса лапами. — Изжуешь ведь ещё, чего доброго.

Тузя отскочил подальше и его взгляд остановился на рюкзаке с уже собранной одеждой.

— Вот где я буду путешествовать, — объявил плюшевый медведь. — Мне, знаешь ли, привычней как-то, когда тесно. Кормить меня не надо, поить – тоже. Буду от тебя злых духов отгонять. Ну и мудрые советы давать, куда ж без этого. Про провизию не забудь.

Ещё раз напомнив о провизии, Тузя прыгнул в рюкзак, но зацепился так, что снаружи остались торчать его задние лапы и зад. Некоторое время медвежонок извивался, смешно дёргая лапками и, наконец, скрылся в недрах рюкзака. Оля наконец смогла отойти от первоначального шока. Что это, как не добрый знак? Уж если её старая игрушка вдруг ожила, то она точно всё делает правильно. Вообще, она была большой любительницей поиска всевозможных знаков: девочке казалось, что всё имеет значение. Что если кто-то опоздал, значит так было нужно и опоздание, впоследствии, приведёт к чему-то хорошему. У бабушки не получился пирог? Значит, так было нужно. Ты не знаешь, стоит идти на улицу или нет? Выглянул солнечный луч: вот тебе знак, что идти определённо надо. Так же и внезапное оживление друга детства вызвало не страх, не удивление, а вселенское спокойствие, абсолютную уверенность в верности выбранного пути.

Оля прокралась на кухню и запаслась консервами, шоколадными батончиками и несколькими маленькими пакетиками с соком. Тоже дедушкина школа. Бутылочку для воды она не нашла, но таковой можно будет обзавестись в любом магазине, пока они ещё не добрались до Сибири, где должны быть только медведи. И волшебники. Вокруг стояла всё та же зловещая тишина, несмотря на обилие родственников в доме. В щель под родительской спальней пробивался голубоватый свет: там телевизор не выключался теперь практически никогда. Никто так и не встретился Оле на пути.

Когда все вещи заняли своё место в рюкзаке, пришёл черёд Лучика. Оля в задумчивости смотрела на верного приятеля. Конечно, с одной стороны, стоило оставить его здесь, с мамой. Во-первых, он и сама Оля – единственные, кто ещё мог её рассмешить. Во-вторых, Лучик сможет отгонять от неё всякую нечисть. Оля не сильно бы удивилась, узнай она, что ему удалось бы отогнать и саму Смерть. С другой стороны, когда обнаружат, что Оля сбежала, Лучик запросто найдёт её, стоит только попросить добродушного ретривера об этом.

Девочка помрачнела. В голове плотно засела мысль: «когда обнаружат, что она сбежала». А ведь её близким и так сейчас нелегко. На бедном папе лица нет. А мама? Что, если ей станет хуже от этой новости? Нет, ей явно ничего об этом не скажут. А папа… Папа сильный. Папа со всем справится. Не стоит сомневаться в нём. Да, ему будет нелегко, но это единственный способ спасти их маму. Так что он поймёт. Если ему сейчас всё объяснить, на это уйдёт драго-

ценное время и нет никакой уверенности, что он поймёт правильно и поможет найти волшебника. Ведь он взрослый. А взрослые не верят в чудеса.

Теперь настал черёд решить судьбу смартфона – любимой Олиной игрушки. Уж не в обиду Тузе будет сказано. Вещь, безусловно, очень полезная, но и весьма опасная: в одном фильме, который смотрел папа, а Оля подсматривала, она видела, как сыщики нашли преступника, обнаружив через компьютер его смартфон. Папа точно обратиться в полицию и тогда её вмиг найдут.

С тяжелым сердцем было принято решение оставить смартфон в ящике стола.

— Ничего не поделаешь, — сообщила девочка Лучику. — Приходится чем-то жертвовать.

— Не забудь карточку, — донеслось из рюкзака.

Точно! Тузя прав: карточку определённо стоит взять с собой. Ещё пару лет назад папа подарил Оле собственную банковскую карту, куда регулярно переводил карманные деньги. Она почти их не тратила, поскольку добрые родители всё равно покупали ей игрушки сами. Максимум её покупок – это всякие предметы в играх и выпечка в супермаркете после школы. Так что какая-никакая сумма там скопилась. Вряд ли путешествие продлится долго, так что этих средств должно хватить. Ну сколько оно может занять? Два, три дня? К концу недели она точно уже будет дома.

Оля села на кровать и рассеянно потрепала Лучика по голове. Надо поспать. По крайней мере, постараться. Внутри росла ноющая, противная пустота беспокойства. Ноги предательски становились ватными, мысли о путешествии вызывали ощутимую тревогу. Но отступать нельзя.

Она разделась, преступно не почистив зубы и забралась под своё уютное одеяло. День получился ужасным. Наверное, самым ужасным за всю её жизнь. Могла ли она представить, каким он будет, когда ласковые солнечные лучи разбудили её утром? Так, никто не знает, что принесёт ему следующее мгновение. Уже завтра Оля будет ночевать не в своей мягкой постели, а неизвестно где. Девочка взглянула на лежанку Лучика, почти полностью скрытую ночным мраком. Оттуда на неё смотрели два внимательных глаза. Лучику тоже не спалось. Ни лежанки, ни комнаты, ни дома – ничего этого завтра не будет. Верный друг понимал это.

— Нужно быть храбрыми, Лучик, — прошептала Оля и два глаза послушно моргнули. — Ради мамы.

4. Записка от бабушки.

Заря ещё только занималась, когда Оля встала с постели и собралась. Она так и не смогла толком сомкнуть глаз этой ночью и, как только забрезжил рассвет, оставила бесплотные попытки. Рюкзак лишний раз был проинспектирован, Тузя переложен в отдельный просторный кармашек (пришлось пожертвовать тёплой кофтой), Лучик – расчёсан. Была мысль плотно позавтракать перед путешествием, как на том всегда настаивал дедушка, но кто-нибудь может проснуться и тогда возникнут неудобные вопросы. А этого хотелось бы избежать всеми силами. Так что лучше не рисковать.

В фильмах дети часто сбегают из дома, спустившись со второго этажа по импровизированной лестнице, связанной из простыней и прочих подручных материалов. Но Оля была девочкой благоразумной и потому решила не экспериментировать. Она тихонечко открыла дверь в коридор, осмотрелась и прислушалась.

Из родительской спальни по-прежнему бормотал неугомонный телевизор. Кто бы ни остался из родственников у них на ночь в гостиной, тот явно тоже спит в столь ранний час. В доме царил мрак, уже потихоньку разбавляемый ранним летним солнцем, медленно прогоняющим серость.

Детские босоножки мягко ступали по полу, сзади слышалось лёгкое цоканье когтей Лучика. Самый крепкий сон – всегда перед самым рассветом, так что Оля могла особо не прятаться. Все благополучно спали. И родители, и родственники, приехавшие повидать больную, пока она была ещё в состоянии их узнать. Беглецы крались мимо светлых стен, обрамлённых репликами картин и Олиными детскими рисунками: она любила рисовать и в доме не было коридора или комнаты без её художеств. Страшно было ещё потому, что кроме папы дома есть родственники, чьих привычек Оля не знала и не могла знать. Вот и она – входная дверь. Возле неё, на стене, висели крючки в виде смешных котиков, где крючки – это их хвостики. Предназначались для вешанья ключей от дома и всего их было три: для маминых ключей, папиных и Олиных. Девочка покосилась на свой комплект и отвела взгляд: нечего таскать их с собой. Можно же потерять. Лучше она просто постучится, когда вернётся.

Мягко закрылась входная дверь и родной дом остался позади. Утренний воздух бодрил, всё вокруг покрыла роса, больше похожая на капельки серебра. От земли шёл холод ночи, обжигая прохладой ноги. Тёмное небо на востоке уже окрасилось золотом, ещё чуть-чуть и выглянет солнце. Оля давно не выходила из дома так рано, из-за ночных теней всё вокруг ощущалось чем-то невесом, лёгким, словно во сне. Мир, лишённый дневных красок, выглядел всего лишь как его декорация, застывшая в ожидании нового дня.

Оля спешила по пустой улице. Мимо неё проплывали небольшие, современные домики частного сектора. Невесомые, словно игрушечные, деревянные заборы сменялись сплошными металлическими листами и высокими оградами. А по соседству с милыми домиками с широкими окнами, стояли несуразные серые коробки из некрасивых бетонных блоков. Улица пестрила разнообразием, непохожестью форм. Особенно странно среди всего этого смотрелись старые избы, оставшиеся ещё с тех времён, когда здесь была деревня: они выглядели не как что-то чужеродное, нет. Эти избушки представляли собой островки чего-то самого обычного, самого правильного, очевидного. Словно весь остальной частный сектор вырос вокруг них, как вокруг последних оплотов традиции, давно забытой и никому ненужной. Избушки смотрели на своих внуков и правнуков со взрослым умилением маленькими детьми: дети старались подражать, искали себя и никак не могли понять сути: что для красоты нужны не панорамные окна или высокие заборы; нужно было что-то совсем другое. Далеко, на другой улице, лениво и методично шуршала метла дворника, ещё по пути попался до безобразия толстый кот. Он неодобрительно посмотрел на насторожившегося Лучика, гордо взмахнул хвостом и нарочито неспеша

перешёл дорогу, всем видом указывая, что какие-то там собаки не в силах помешать его утреннему променаду.

Медленно, но верно частные домики уступали место многоквартирным махинам. Выглядело это странно: по соседству с небольшими двухэтажными домами с высоченными потолками и облупившейся штукатуркой, взмывали ввысь двадцатиэтажные чудища, без намёков на какие-либо украшения, плотно втиснутые среди старой застройки. Много где сохранились аллеи деревьев, посаженных вдоль дорог. Двухэтажные дома буквально утопали в ветвях. Под деревьями, плотно прижавшись друг к другу, вдоль дороги стояли автомобили. Они представляли собой полноценную часть пейзажа, загромождая любой свободный участок двора или улицы. Ровные тротуары убегали куда-то под сень деревьев и смешивались с тропинками, пробегая через дворы к высоченным домам. Всё вокруг застыло в предвкушении нового дня. Настойчивая метла дворника продолжала монотонное шорканье по асфальту. Верхние окна двадцатиэтажек подсвечивало солнце так, словно они состояли целиком из золота. Все первые этажи занимали всевозможные магазины с пёстрыми вывесками. Почему-то на этой улице преобладали компании по установке пластиковых окон. И ещё аптеки.

Среди закрытых роллетных ставен обнаружилась светящаяся, несмотря на ранний час, вывеска. Круглосуточный продуктовый магазин. Вот где можно раздобыть воды. И Оля отправилась прямиком на вывеску, как на путеводную звезду. Лучик привычно уселся возле входа и стал водить носом по ветру, ловя запахи. Как воспитанный, умный пёс, он никогда не шёл за хозяевами в магазин. Хоть и не понимал, почему этого делать нельзя.

Внутри всё заливал свет диодных ламп, такой непривычный после последних ночных сумерек улицы. От них доносилось едва слышное гудение. За прилавком боролась с дремотой молодая девушка. Почти подросток. Она приоткрыла один глаз, взглянула на Олю и с трудом разлепила второй, смешно вскинув брови, помогая векам открыться.

— Чего тебе? — добродушно спросила продавщица-подросток хриплым от сна голосом.

— Бутылку воды, пожалуйста, — ответила Оля, положив ладошки на прилавок. — Небольшую только.

— Выбирай, — хмыкнула девушка.

Она указала на ряды бутылок недалеко от кассы. Оля выбрала самую простую, расплатилась своей карточкой и ловко поставила покупку в боковой карман рюкзака.

Продавщица смотрела вслед юной покупательницы:

— В какую же рань родители гоняют детей за минералкой, — сонно пробормотала она и вновь закрыла глаза.

Оля прошла от магазина всего ничего, когда её взгляд упал на одинокий банкомат, торчащий из стены возле отделения банка. Над ним тоже тускло светилась подсветка, как над магазином. Оля остановилась и внимательно посмотрела на аппарат. Девочка повернулась к Лучику.

— Помнишь, я тебе говорила, как в том папином фильме бандита нашли из-за смартфона? Так вот, в том же фильме другого дядьку нашли, когда он делал покупки в магазине. Его по карточке нашли. Нам надо снять деньги с карточки. Да.

Как мы уже говорили, Оля была очень умной и благоразумной девочкой. Единственное, о чём она сейчас жалела, так это о том, что не подумала об этом раньше и купила воду по карточке. Но с этим уж ничего не получится сделать.

Оля с некоторой опаской приблизилась к аппарату, поблескивающему металлом. На ощупь он холодным, под стать прохладному воздуху на заре. Она никогда не пользовалась такими штуками. Экран оказался неожиданно тусклым, таким непривычным после ярких экранов смартфонов. Вытянув шею, Оля прочитала надписи на экране. На поверку, всё оказалось весьма просто: добрая электронная машина сама подсказывала что нажимать и что сделать. Даже посоветовала оглядеться по сторонам прежде, чем взять купюры. Оля послушно

повертела головой: вокруг по-прежнему не было ни души. Лишь одна машина лениво прошуршала колёсами по асфальту, как будто сама тоже ещё не проснулась и совершенно не хотела ехать на работу.

Оля с любопытством осматривала купюры: как истинное дитя двадцать первого века, она не привыкла к бумажным деньгам. Разноцветные, с изображением разных зданий и, судя по всему, городов. Больше напоминая обёртки от шоколадок, они шуршали, норовили порваться и с трудом влезали в её маленький кошелёчек. Теперь можно спешить дальше, пока дома её не хватились. И так потеряно немало времени.

Впереди медленно нарастал шум, похожий на прибой. Сначала едва различимый, он сливался в одну общую какофонию, но чем ближе они подходили, тем отчётливее шум рассыпался на отдельные звуки: пыхтели двигатели автобусов, перекрикивались люди, совершенно не стесняясь раннего часа. Ветер доносил с той же стороны неприятный запах дешёвой еды. Всё это могло говорить только о том, что Оля и Лучик приближались к первому пункту их путешествия – автовокзалу. Это место просыпалось очень рано, если вообще спало хоть когда-нибудь.

Оля прошмыгнула мимо шумных таксистов, пускающих в небо кубометры табачного дыма и выпивающих галлон кофе в час каждый. Несмотря на ранний час, их здесь было немало: районные автобусы прибывают часто, так что всегда есть шанс подцепить раннего клиента. На девочку они не обратили никакого внимания, продолжая травить свои бесконечные байки, которые остальные коллеги всё равно пропускают мимо ушей, лишь вежливо кивая, дожидаясь, пока таксист, наконец, закончит рассказ и можно будет приступить к своей собственной небылице.

Девочка обогнула маленькое кафе с красным козырьком крыльца и вышла к одноэтажному древнему зданию самого автовокзала с широченными – во всю стену – окнами. Пологая крыша – грязно-зелёного цвета, чуть ниже неё, в серо-жёлтой стене торчало круглое окно, ведущее на чердак, куда нога человека не ступала с прошлого века. Вокзал был длиннющий, с одной стороны к нему примыкали перроны под коротеньким навесом, со скамейками вдоль стены здания. Через равные промежутки торчали столбики с номерами рейсов. По задумке архитектора, пассажиры должны были, сидя в зале ожидания, наблюдать за подъезжающими автобусами через широкие окна и выискивать среди них нужный. Но за десятилетия стёкла загрязнились настолько, что стали почти неотличимы стен, исписанных граффити и ругательствами.

Внутри оказалось мрачно, сыро и весьма грязно. Пахло затхлостью и архивной пылью. Под ногами лежала старинная мелкая плитка неопределённого цвета, кое-где выбитая до серого цемента под ней. На рядах покосившихся кресел спал неопрятный мужчина и непростительно громко храпел. На стене, среди тысяч объявлений, расписаний, прейскурантов и регламентов самых разных годов выпуска еле угадывалось крошечное окошечко кассы, за которым теплилась жизнь: там чем-то шуршали и щёлкали. Оттуда же лился единственный источник света в здании: жёлтый огонёк. Оля вздохнула, сжала кулачки и, собрав всё свое мужество, пошла к окошечку,

За окном обнаружилась тётка с огромной бородавкой на крючковатом носу. С неё запросто можно было срисовать типичную бабу Ягу, не меняя ни одной детали. Надетая на неё жилетка грязно-зелёного цвета имела такой вид, что возраст одежды наверняка совпадал с возрастом стёкол в зале ожидания. Вообще, вид кассирши говорил о том, что всё здание когда-то (очень много лет назад) построили прямо вокруг неё и так она сюда, собственно, и попала.

— Чего тебе? — дама с неодобрением взглянула на юную посетительницу. Для недовольства у сотрудницы вокзала были свои причины: в этот ранний час бывает период, когда клиентов почти нет и можно спокойно пить кофе. И вот этот идеальный момент Оля и испортила своим появлением. — Куда с собакой?

Лучик удивлённо наклонил голову на бок: вокзал – не магазин и, значит, находиться здесь ему не возбраняется.

— Пожалуйста, один билет до Кингисеппа на ближайший автобус, — Оля выудила из кошелёчка тысячерублёвую купюру и сложенную записку от бабушки. Обе бумажки легли на столешницу перед злой тёткой.

Здесь стоит сделать небольшое отступление и объяснить, о какой записке идёт речь. Раньше папа возил Олю в школу, на всякие кружки и к бабушке с дедушкой. Но с тех пор, как мама заболела, он стал посвящать ей всё свободное время. И тогда Олю стала сопровождать бабушка, уже на автобусе. Но и эта схема не прожила долго: теперь бабушка живёт у них и помогает ухаживать за мамой. Так что Оле пришлось научиться ездить на автобусах самостоятельно. А чтобы у кондукторов не возникало возможных вопросов, бабушка написал ей записку, где говорилось, что эта девочка может ехать одна, что её ждут в пункте назначения и что в случае любых вопросов с ней можно связаться по указанному номеру. Но, разумеется, никто никогда по указанному номеру не связывался: всем было достаточно записки, на которую и смотрели-то вскользь.

Вот и сейчас кассирша баба-Яга лишь скользнула по уже потрепавшемуся листку равнодушным взглядом.

— Что ты мне суешь? Чего мне твои записки-писульки? На, держи билет.

Ухватившись за билет, Оля мгновенно отскочила от кассы и быстрым взглядом нашла на нём время отправления. Больше всего она боялась, что автобус поедет только вечером, а к вечеру ей нужно быть как можно дальше от дома. Но, к счастью, автобусное сообщение в этом направлении было развито изрядно: нужный рейс отправлялся менее, чем через полчаса.

Первая победа! Донельзя гордая собой, Оля вышла наружу и уселась на длиннющую деревянную скамейку под прохудившимся кое-где навесом. Лучик положил голову ей на колени, спровоцировав почёсывания и поглаживания.

Когда они только пришли сюда, можно было подумать, что вокзал уже не спит. Но это не совсем правда. То была его дремота. Солнце окончательно выбралось из-за горизонта, из его света ушло золото и вот мир уже заблистал, набирая темп нового дня. Мимо сновало всё больше людей: грибники с их огромными раздувшимися рюкзаками, как будто они везут грибы в лес с собой. Дачники в смешных панамках, важные мужчины в светлых рубашках и старушки с седыми волосами, собранными в пучок разной степени расхлябанности. Оля от скуки рассматривала густую сень кустарников, которой заканчивалась парковка вокзала. Под ветвями скопилась немало мусора, а листья были серыми от дорожной пыли.

Прибавилось автобусов. Старые «пазики» с круглыми глазами фар, словно они чем-то безмерно удивлены, перемешивались с важными современными межгородскими автобусами с яркой рекламой и футуристичными дверями. Все они поднимали тонны удушливой пыли, как будто где-то рядом бушевал пожар и это не что иное, как дым и копоть от пламени.

За каких-то десять минут мир вокруг Оли заполнился рёвом двигателей, шуршанием шин, всевозможными возгласами на любой лад: от смеха и удивления до ругани и плача младенца. Всё это сливалось в неудержимую канонаду, какая бывает только на вокзалах или на рынках. Олина скамейка тоже заполнилась люди, доски опасно прогнулись, но выдерживали общий вес, как выдерживали его уже не одно десятилетие.

Наконец, подъехал старинный, дребезжащий «пазик», готовый развалиться от сильного дуновения ветра. На лобовое стекло небрежно прилепили бумажку с номером, которого и ждала Оля. Она подскочила на ноги, на её место тут же плюхнулась дородная дама. В один прыжок Оля оказалась у перрона, где остановился долгожданный автобус. Рядом с ней стояло лишь двое пассажиров: мужчина средних лет в старомодной шляпе и молодая девушка в модных велосипедках.

Со зловещим шипением, дверь открылась и Оля первая поднялась в салон, держа в одной руке ошейник Лучика, а в другой билет и вышеуказанную записку от бабушки. Водитель – небритый мужчина с неубиваемым ничем запахом чеснока изо рта – скользнул по Лучику взглядом и вопросительно посмотрел на Олю.

— Он смирный, — объявила Оля и протянула билет, держа записку наготове.

Водитель взглянул на билет и безучастно кивнул. Решив не испытывать судьбу уточнениями о статусе Лучика, Оля поспешила в самый конец салона и там уселась у окна. Она всегда любила ездить в конце автобуса, чтобы никто не говорил сзади, не пыхтел и не пинал сиденье. Да, многих (особенно детей) укачивает на задних сидениях, но Оля была не из таких. Чего уж говорить о Лучике. Ну и самое замечательное, когда получается занять место у окна. Иначе можно помереть от скуки в дороге!

Мужчина в шляпе занял место почти в начале салона, а девушка плюхнулась на сиденье недалеко от Оли, по другую сторону автобуса, тоже у окна. Вы наверное и сами замечали, что чем человек старше, тем ближе к водителю он садится. И наоборот.

Внутри автобуса было душно, как будто сейчас уже был полдень. Окошки, все до единого открытые, не добавляли прохлады, а лишь пускали в салон перегретый воздух. Сиденья оказались продавленными, с кое-где порванной обшивкой. Даже если вам не удастся сесть у окна, вы всегда смогли бы себя развлечь чтением надписей на спинках сидений: номера телефонов, признания в любви (некоторые имена были перечёркнуты и взамен их кто-то написал другие), ругательства, музыкальные предпочтения, мнения о правоохранительных органах и многое другое. Сложно даже примерно подсчитать, сколько побывало в этом салоне людей за многолетнюю карьеру несчастного автобуса.

Время шло, а они всё никак не отправлялись. Прибавилось ещё несколько пассажиров, кто-то из них проворчал что-то нелестное о животных в автобусе, но Лучик сделал вид, что ничего не услышал. Внутри Оли росло беспокойство: скорее всего дома уже заметили, что её нет. Уже почти девять часов утра! Когда она прокручивала в голове начало своего путешествия, то все проделанные на данный момент мероприятия не занимали столько времени. Да, последнее время папа забывает звать её на завтрак и ей самой приходится напоминать ему об этом. Или бабушке. Но вдруг сегодня как раз такой день, когда вспомнят? Детская фантазия рисовала самые мрачные истории: что папа и бабушка сразу же обратятся в полицию, что вот через секунду весь вокзал заполнят полицейские и мигом её найдут. А после такого сбежать из дома будет гораздо сложнее. Как после того случая с походом, когда её и Лучика нашли только с помощью военных: тогда их целый месяц не выпускали из дома!

С адским шипением и глухим стуком дверь закрылась, автобус качнуло и они наконец-то тронулись в путь. Оля с облегчением откинулась на потрёпанную спинку сиденья. Можно немного расслабиться. За окном проплывали знакомые с малых лет улицы: город просыпался, вспоминал о суете и заботах и начинал спешить ради спешки и делать дела ради дел. По тротуарам торопились разношерстные прохожие, ловко огибая дворников, поднимающих мётлами клубы удушливой пыли. Железные жалюзи поднимались, обнажая витрины магазинов, парикмахерских, которые теперь не парикмахерские, а салоны красоты, кафетериев, компьютерных клубов, казалось бы, давно канувших в лету, но вновь возродившихся и много чего ещё. Возле дверей курили продавцы, с подозрением глядя на проходящих мимо: если кому-нибудь из них приспичит зайти в вверенное помещение, то недокуренную сигарету придётся выбросить и идти следом за первым клиентом. Машин мелькало всё больше, и, не смотря на пыль и выхлопы, всё больше окон в домах открывались навстречу воздуху нового дня.

Небольшой, но всё же центр города остался позади, за окном становилось больше зелени, меньше машин, многоэтажки вновь сменились аккуратными частными домиками. На пустующих тротуарах попадалось всё меньше прохожих: парочка велосипедистов, да старушки с тележками. Их почти не было видно из-за разросшихся деревьев и высокой травы газонов. За

заборами, в огородах, мелькали люди в майках, они занимались своими делами, нисколько не обращая внимания на шоссе, проходящее вдоль их домов. Среди них выделялась новенькая детская площадка, ещё пустующая в ранний час.

Автобус покидал родной город. Оля привстала на сиденье и оглядела салон. Пассажиры в основном дремали, девушка в велосипедках смотрела короткие видео на полную громкость. Пока вроде бы всё шло хорошо.

За окном проплывали широкие неухоженные поля. Вдалеке они обрывались пышными кронами деревьев так, что уже невозможно было отличить, где заканчивается лес и начинаются кучерявые облака, отсюда они выглядели гигантскими исполинами, заполнившими собой пол неба. Чем больше простора, тем более гигантским, необъятным кажется мир.

Девочка смотрела на великолепие природы за окном и думала о доме. К этому моменту там уже точно заметили, что она и Лучик пропали. Наверное, папа уже места себе не находит. Уже обзвонил всех родителей её подруг. А бабушка? Она же старенькая, ей нельзя волноваться. А скажут ли они маме о пропаже? Она сейчас много спит, но всё равно заметит, что Оля не заходит её проведать. Что они ей скажут? Будут врать? Или скажут правду? Лучше бы соврали. Будет лучше, если об этом путешествии будут знать только папа и бабушка. Правда, дома есть родственники, они могут проболтаться. Нужно постараться найти волшебника как можно быстрее.

Оля вздохнула и почесала Лучика. Теперь можно приступать к следующему пункту плана: добраться до Кингисеппа, купить билет до следующего города на восток и повторить путешествие уже на следующем автобусе. Она не знала, что могла купить билет и на родном вокзале гораздо дальше, чем до ближайшего населённого пунтка. Девочка считала, что каждый вокзал продаёт билеты только до других, именно ближайших, городов. Но ей можно простить эту оплошность: всё-таки Оля – всего лишь двенадцатилетняя девочка.

5. Непредвиденные обстоятельства.

Не прошло и двух часов, как их чумазый «пазик» въехал в город назначения. Оля оживилась и стала выискивать знакомые места. Вот они проехали большой красивый мост над рекой. На берегу толпились рыбаки вперемешку с отдыхающими. Ни первые, ни вторые не обращали друг на друга никакого внимания. Вот по обеим сторонам улицы потянулись ухоженные деревья, дающие такую необходимую летом прохладную тень усталым прохожим. Первые этажи домов на центральной улице сплошь занимали компании и магазины. Оглушительно свистели светофоры на перекрёстках, сообщая пешеходам о возможности перейти дорогу. Дело шло к полудню, воздух окончательно нагрелся и солнце беспощадно давило своими лучами и потому на улицах было немноголюдно. Некоторые дома были так плотно усеяны баннерами и вывесками, что не сразу получалось разглядеть на них окна и двери.

Оля уже ездила этим маршрутом к бабушке и знала, что автобус идёт до самого вокзала, где, как мы и говорили, она планировала купить билет дальше на восток. Но большинству пассажиров не было толка ехать через весь город: многие заметно оживились, проверяли вещь и поглядывали в окна, выискивая нужную обстановку. Когда автобус прибыл на вокзал, в салоне почти не осталось народу.

Вокзал располагался там же, где большой торговый центр, что добавляло суеты этому месту. Со всех сторон звучала музыка, в воздухе стояла удушливая пыль от машин и автобусов. Оля держалась возле стены здания, придерживая Лучика, чтобы их не затоптали. Гомон людей оглушал так, что не получалось расслышать даже собственных мыслей.

Так как вокзал здесь сросся с торговым центром, то найти билетные кассы получилось с большим трудом. Но зато они разительно отличались внешним видом от таковых в родных пенатах. Здесь это было уютное помещение с весёлыми оранжевыми стенами и чистейшей плиткой под ногами. Окошечек оказалось сразу два, за обоими сидели милые девушки в одинаковых голубых жилетках. Возле выхода со скучающим видом стоял охранник в светлой рубашке и кепке. Он заложил руки за спину и не сводил глаз с закусочной в большом атриуме торгового центра. Дело шло к обеду.

Почти всю стену занимало расписание автобусов. Аккуратное, новое, без мятых или выцветших листов. Оля сосредоточенно выискивала знакомые названия, увиденные ею ещё дома, в дорожном атласе. Она нашла немало из них в расписании. Осталось выбрать, в какой именно город восточнее этого она отправится. Наверное, стоит выбрать тот, куда поедет автобус в ближайшее время: чем большее расстояние будет отделять её от дома, тем меньше шансов, что её найдут.

Оля подошла к кассе, уже привычно держа наготове кошелёк и записку. Теперь она чувствовала себя гораздо увереннее, поскольку метод покупки билетов уже был испытан.

— О, здравствуй, — мило улыбнулась девушка-кассир, даже не взглянув на деньги и бумажку. — Ты потерялась?

Оля открыла и закрыла рот, не зная, что сказать. Заготовленная заранее фраза с названием города застряла в горле.

— Ничего, родная, не бойся. Сейчас объявим по громкой связи и тебя мигом найдут. Как тебя зовут?

— Нет, мне нужен билет.

— Билет? — девушка вскинула тоненькие аккуратные брови. — Какой ещё билет?

— До Тихвина. Вот, у меня есть записка… — Оля протянула руку с запиской.

Но девушка энергично замотала головой. Так, что красивые светлые волосы развеялись по её плечам.

— Нет-нет, так не пойдёт. Мы не имеем права продавать билеты несовершеннолетним без сопровождающего.

Она чуть покосилась на камеру, висящую под потолком.

— Но у меня записка от бабушки, — пролепетала Оля.

— Не пойдёт, — мягко, но строго сказала девушка. — приводи бабушку или другого родственника. Тем более до Тихвина. Это же далеко! Ты что? Разве так можно?

Оля сделала шаг назад и заглянула в соседнее окошко. Там сидела девушка-брюнетка, она смотрела на девочку ничего не выражающим взглядом.

Девочка попятилась, всё ещё сжимая в руке ставшую бесполезной записку. И что теперь делать? В её голове план был идеален и не было ничего, что могло пойти не так. Всё же было продумано! По крайней мере, она не сомневалась, что делает правильное дело, а значит, всё будет складываться исключительно в её пользу.

Скучающий охранник тоже слышал разговор с кассиршей и теперь с подозрением косился на девочку. Стоит уйти отсюда прежде, чем он начнёт задавать вопросы. Конечно, это не полицейский, но тоже может вдруг проявить внезапное рвение.

Как можно более непринуждённо, она спрятала записку в карман и поспешила наружу. Охранник даже вышел за ней в холл торгового центра, но потерял её из виду в толпе. Нужно спешить.

Торговый центр, больше похожий на жужжащий муравейник, остался позади. Улица встретила её шумом машин, удушливым воздухом, лишённым прохлады кондиционеров и высоченными домами, нависающими над головой и закрывающими собою полнеба. Оля брела, куда глаза глядят. Лучик привычно держался рядом, не смея прерывать думы хозяйки. Оля сама не заметила, как шумная улица сменилась более спокойной улочкой, с тротуарами, лежащими вдоль больших жилых домов, напоминающих серые пыльные коробки. Она, в свою очередь, уступила место тихим дворам спального района, с избытком зелени, узкими дорогами и тишиной. Деревья шумели пышной листвой, над кустами, закрывающими собой подъезды, важно жужжали шмели и пчёлы.

В исступлении, Оля опустилась на поребрик, обхватив голову руками и готовая разрыдаться от обиды. Вокруг неё была тишина: двор окружали четыре пятиэтажки, а в середине – небольшой скверик с детской площадкой, состоящей из пары качелей и одной видавшей виды карусели. В этот час здесь никого не было: взрослые ещё были на работе, а дети – в основном в летних лагерях или в деревнях у бабушек. Даже машины сюда не заезжали. Скамеечки возле подъездов и те пустовали: зной прогнал даже любительниц посплетничать.

К горлу подступал тяжёлый комок. Слёзы копились в глазах, плотину вот-вот прорвёт. И что теперь делать? Вернуться? Просить прохожих купить билет? А кого просить? Ведь её запросто могут отвести в полицию. Что теперь будет с мамой? Мысли чёрными тучами наползали друг на друга, заслоняя собой ясность разума.

Она всхлипнула, уставившись на свои колени. На неё упала чья-то тень. Оля подняла глаза и увидела перед собой мальчишку со светлыми короткими волосами и очень грустными глазами, примерно её ровесника. Он был одет в потрёпанный джинсовый комбинезон и полосатую красную футболку. Мальчишка чуть склонил голову на бок и с какой-то тоской рассматривал Олю. Под нижней губой у него красовалась заживающая ссадина.

— Почему ты плачешь? — спросил мальчишка и шмыгнул носом.

— Я ещё не плачу, — дрожащим голосом ответила Оля.

— Но ведь сейчас заплачешь, — упорствовал мальчишка.

— Может и заплачу. Тебе-то что? Я маму хотела спасти, понятно? А мне билет не продаю-у-у-т!

Наконец, плотина переполнилась и слёзы полились по щекам горьким ручьём. Мальчик растерялся и стал оглядываться по сторонам, словно искал поддержки. Лучик с готовностью положил голову на колени девочки. Оля привычно обняла его за шею.

Мальчик говорил что-то утешающее, но она не слушала. Не хотела слушать. Мир вокруг перестал существовать, были только слёзы и чёрное отчаяние, заслоняющее собой всё остальное. Ведь всё было так хорошо придумано! Как могло не получиться?! Ведь она отправилась в путешествие за добро, а добро должно побеждать!

Спустя пять минут, слёзы, наконец, иссякли, а тело перестала сотрясать дрожь. За истерикой пришло опустошение и апатия. Оля последний раз прерывисто вздохнула и протёрла глаза. Оказалось, что мальчик никуда не ушёл, он так и остался стоять рядом, теребя пуговицу на своём комбинезоне.

— А от чего ты хочешь спасти маму? — спросил парнишка, заглядывая Оле в глаза. — Её кто-то обижает, да?

— Она заболела. Очень, очень сильно заболела, понимаешь?

— И ты ехала за лекарством?

Оля замялась. Не хотелось рассказывать первому встречному о добром волшебнике. Вдруг мальчишка будет смеяться над ней? Назовёт её дурёхой, верящей во всякую ерунду.

— Я… Ехала за доктором, он может её вылечить.

Мальчишка уселся рядом на поребрик. Лучик приветственно обнюхал его и вильнул хвостом, парень тут же заулыбался и стал гладить большого красивого пса. Тот аж млел от удовольствия. Как и любой другой золотистый ретривер, Лучик очень любил людское внимание.

— Доктора и у нас в городе есть. Мама говорит, что очень хорошие. Вот, у меня после доктора уже почти ссадина зажила, видишь? — он ткнул пальцем в болячку под губой. — Меня Боря зовут. А тебя?

— Оля, — девочка неуверенно улыбнулась. Боря был очень простодушным и не вызывал никаких опасений в её душе. — А этой мой друг – Лучик. Понимаешь, на самом деле мы ищем не доктора, а волшебника. Он исполняет сокровенные желания.

Оля сильно-пресильно зажмурилась, ожидая смеха и злорадства. Но Боря лишь оживился от её слов.

— Ого, ты знаешь волшебника? А ты меня к нему не отведёшь? Мне очень надо. Я могу помочь тебе, честно! Я отлично знаю город! Все-все тропинки, даже Мишка таких не знает.

— Нет, — вздохнула Оля. — Он живёт очень далеко. В Сибири.

— В Сибири, — разочарованно протянул Боря. — Ясно. Жалко. Я бы с тобой поехал, у меня тоже есть сокровенное желания. И тоже про маму. И про папу тоже. Но я не могу поехать с тобой. Мне надо следить за мамой, а то ей бывает очень тяжело и грустно. Так почему ты не можешь поехать в эту самую Сибирь?

Оля рассказала ему историю, случившуюся на автовокзале. Про милых девушек, что ей отказали в покупке билета и про злую тётку в родном городе, которая при всей своей злобности, билет таки продала.

— И теперь я не знаю, что делать, — вздохнула девочка.

— Знаешь, я слышал, что если всё делаешь правильно, то решение найдётся само собой. Нужно просто подождать. Давай немножко подождём, вдруг получится? Я тебе пока покажу наши дворы, лучшие площадки и все-все интересные места, а потом что-нибудь придумается.

Боря оставался серьёзным, глаза по-прежнему источали вселенскую тоску.

— А если не придумается? Уже скоро вечер. Куда я пойду ночью?

— Ты можешь переночевать у меня. У меня своя большая комната. Там хватит места и тебе, и Лучику. А утром что-нибудь придумаешь. Как там говорят взрослые? Утро вечера мудренее!

— А почему это оно мудренее?

— Не знаю, — пожал плечами Боря.

Оле ничего не оставалось, кроме как согласиться. В любом случае, предложенный мальчиком вариант был лучше, чем вернуться домой ни с чем. Но путешествие точно затягивается, что не могло не огорчать.

Боря как мог пытался развеселить свою новую подругу и потому не оставлял её в покое ни на мгновение. Сначала он показал её самые классные игровые площадки, но Олю это не сильно впечатлило. Тогда они пошли к скромному маленькому кафе, где продаётся «самое вкусное мороженое в мире». Боря сосредоточенно наскребал мелочь из кармана на простой сливочный рожок для Оли, но она остановила его и купила им обоим по большой порции.

Лакомство сбило летний зной и настроение у обоих заметно улучшилось, Оля впервые за день искренне улыбнулась. Боря мгновенно почувствовал смену настроения, схватил её за руку и потащил на самую большую в этом районе игровую площадку.

Наконец, Оля поддалась натиску и отдалась детской беззаботности. Вокруг неё с гиканьем проносились дети, со всех сторон лился смех и оживлённые, но непринуждённые разговоры взрослых. Здесь не было пыли автобусов, запаха бензина, не было важных охранников и злых кассиров. Лучик тут же оказался в центре внимания: дети наперебой гладили его, чесали и норовили чем-нибудь угостить. Сначала некоторые мамы с опаской окликивали детей от незнакомой собаки, но все быстро поняли, что Лучик – лучший друг детей. Он умудрялся играть с десятью ребятишками одновременно, крутясь, как волчок.

Оля предоставила верному спутнику как следует повеселиться, а сама в это время каталась на большой качели с Борей. Ветер трепал её волосы, приятно холодя лицо. Солнце уже стало набирать багряный румянец. Всё смешалось в сплошной весёлый калейдоскоп. Качели, горки, башня, карусель. Веселью не было конца, оно было рядом, такое простое, такое осязаемое. Но чем ближе вечер, тем более грустным и молчаливым становился Боря. Мальчишка, который доселе был нарочито весёлый, становился всё более тихим. Оля искоса посматривала на него: что-то его беспокоило. Стоило ей отвернуться, как он тут же переставал улыбаться. Может, уже пожалел, что позвал Олю в гости на ночёвку?

Постепенно детей на площадке становилось всё меньше. Смех уже не лился рекой со всех сторон. Уже не набиралось по десять человек на одни качели. Ушёл дневной зной, а вместе с ним – суета и торопливые прохожие, спешащие через площадку, намереваясь срезать путь. Пропали мамы с самыми маленькими. Дети постарше тоже стали потихоньку расходится по домам. Стали появляться подростки, собираться кучками, включать музыку на смартфонах и с неодобрением глядеть на детей. Они ждали, когда на город лягут сумерки и площадка перейдёт в их безраздельное владение.

Город стал тише. Машины гораздо реже проскакивали через двор. Пыль дня улеглась, в воздухе наконец-то чувствовалась вожделенная прохлада. Высоко в небе перекликались ласточки, довольные тем, что жара спала и наконец-то можно полакомиться насекомыми. Хотелось говорить тише и совсем не хотелось спешить. День заканчивался. От комаров и мошек теперь приходилось отмахиваться, ещё час – и их станет по-настоящему много.

Боря совсем сник. Он присел на скамейку, зажал ладони между колен и уставился в одну точку. Лучик, набегавшись всласть, свесив набок язык, вернулся к хозяйке.

— Боря? — тихонько позвала Оля. — Всё хорошо?

Мальчик с тоской взглянул на заходящее солнце.

— Да, всё хорошо.

— Наверно пора идти домой, — аккуратно сказала девочка. — А то уже комары кусаться начали.

— Да, пойдём.

Ещё с минуту он сидел, не шелохнувшись, словно чего-то ждал и смотрел на заходящее солнце, вот-вот оно спрячется за домами. Как будто надеялся, что время сейчас повернётся

вспять и вновь настанет весёлый день, где будут игры, смех, мороженое. И где ещё далеко до вечера.

6. Молитва.

Лучик держался позади детей и с подозрением посматривал на кусты, рассаженные вдоль тротуара, по которому они шли: вдруг оттуда кто-нибудь выскочит и нападёт на его хозяйку и её нового друга? Но зелёные насаждения безмолвствовали. Как и улица, на которую уже опустились сумерки.

Боря шёл молча. Оля искренне не понимала преображений друга: он же сам позвал её к себе. Может, он правда передумал? Жалеет, что пригласил её? Но ей и Лучику всё равно больше некуда податься. Теперь уже поздно придумывать себе другой ночлег.

Они подошли к старенькой кирпичной четырёхэтажке. Ночь обещала быть тёплой и почти все окна были открыты. Оттуда лился быт жильцов: чья-то ругань, мерное бормотание телевизора, плач младенца, шкворчание еды на сковородке и звон посуды. Каждый звук, каждый запах – частичка чьей-то жизни. Миг чужого существования, который никогда не повторится. Мы всегда воспринимаем это как фон, как белый шум эфира, но это свидетельство чужой жизни. Такой же, как наша собственная.

Подъезд встретил их мраком и смесью тяжёлых запахов. Боря поднялся на третий этаж и остановился перед обитой дерматином дверью. Он покосился на Олю и Лучика.

— Подождите меня здесь. Я сейчас вернусь.

Мальчик провернул ключ в замочной скважине, приоткрыл дверь и прислушался. Оля вытянула шею, тщетно пытаясь что-то рассмотреть в тёмной прихожей. Кажется, из квартиры доносилось то самое шкворчание ужина на сковороде. Боря проскользнул внутрь, но неплотно закрыл дверь и она сама собой вновь приоткрылась. В прихожую падал свет из другой комнаты.

— Боренька, — послышался ласковый женский голос. — Ну чего ты опять так поздно, зайчик мой? Проголодался небось? Давай, бегом переодеваться, мыть руки и за стол.

Было слышно, как Борю чмокнули прежде, чем отпустили переодеваться. Как и обещал, мальчик тут же вернулся на лестничную площадку и поманил за собой новых друзей. Он заметно оживился и повеселел. На всякий случай, Оля повернулась к Лучику и приложила палец к губам.

Они вошли в тёмную прихожую. У стены стоял полуразвалившийся трельяж, заваленный бесформенными тряпками. Похоже, одеждой. Или мешками. Обои в квартире были простенькие, они кое-где отошли от стен. Оля сделала движение, чтобы разуться, но Боря остановил её. Девочка опустила глаза: пол оказался донельзя грязным.

Боря не соврал: его комната действительно оказалась большой, с балконом. Почему-то свет не включали, но летняя белая ночь северо-запада России вполне позволяла ориентироваться в пространстве. Большой старый диван встретил их в разложенном состоянии и застеленным постельным бельём. Ещё здесь был шкаф советских времён, старинный пузатый телевизор на тумбочке, стул с одеждой и потрёпанный письменный стол, заваленный детскими рисунками. Антураж комнаты совершенно не соответствовал первой половине двадцать первого века. Даже нашлось места для ковра на стене. Здесь оказалось гораздо чище, чем в прихожей. Боря сразу же закрыл за ними скрипнувшую дверь и разулся. Оля сделала то же самое.

— Надо бы Лучику лапы помыть, — прошептала Оля.

— Ничего страшного, — так же шёпотом ответил Боря. — Посидите здесь, я скоро принесу покушать.

Он указал на угол, в нём стояло истрёпанное кресло без ножек. Когда-то здесь жила собака или кошка кресло служило местом для домашнего животного. Лучик основательно обнюхал ничейную лежанку и с удовольствием плюхнулся на потрёпанную обивку.

Боря ускользнул из комнаты и закрыл за собой дверь. Изнутри её можно было закрыть на старенький шпингалет. Оля поставила рюкзак рядом с Лучиком и вышла на открытый балкон.

На город опускалась ночь, но небо оставалось светлым на востоке. Темно в этих краях в начале лета не бывает. Девочка привыкла к белым ночам, поскольку видела их с самого рождения и не могла представить, что может быть иначе. Когда они впервые поехали с родителями летом на море, то её повергло в настоящий шок то обстоятельство, что там в это время ночью темно так же, как зимой. Ровно такую же реакцию вызывают светлые ночи у всех, кто видит их впервые. Особенно сильное впечатление это производит на взрослых. Дети же такому не сильно удивляются. Потому что знают, что в мире всё возможно.

В небе по-прежнему пели ласточки, под окнами мерно шумели листвой кусты и деревья. Двор был красивый, полный зелени и цветов. Оля смотрела на незнакомый пейзаж перед собой и сама с трудом верила, что всего какие-то сутки назад она была в своей родной комнате, а через комнату от неё были мама и папа. Комок подступил к горлу девочки. Очень хотелось оказаться в своей уютной комнате, дома. Знать, что рядом родные, что всё хорошо. И что завтра тоже всё будет хорошо. Оля вздохнула и постаралась взять себя в руки: если она поддастся слабости, если вернётся, то хорошо ничего не будет. Для этого нужно двигаться дальше. Пусть и пока не совсем понятно, как.

Боря всё не возвращался. Оля вернулась в комнату, Лучик, уже дремавший, мгновенно поднял голову и вопросительно посмотрел на хозяйку. Она подошла к двери и прильнула ухом к щели. Отсюда получалось расслышать разговор матери и сына на кухне.

— Куда тебе две порции? — ласково вопрошала мама Бори.

— Я голодный очень, — без уверенности отвечал Боря.

— Опять кого-то на ночёвку пригласил? — всё так же ласково спросила мама. — Чего тайком-то опять? Нормально бы поужинали и шли бы к тебе в комнату. Никто же не гонит! Ой, ладно, ребятня. Раз вам так удобней, то пожалуйста. Иди, корми гостей. Если ещё чего захотите, скажи.

Оля поспешно отошла от двери и села на диван, уставившись на настенный ковёр. Спустя мгновение, с трудом открыв дверь чуть ли не носом, вошёл довольный Боря с двумя тарелками: на обеих красовались по только что поджаренной котлете с порцией макарон. Он вновь был в самом хорошем расположении духа, каким был тогда, на детской площадке. Как будто в нём жило два совершенно разных человека. И Оля никак не могла понять, чем вызваны такие смены настроения.

— Извини, что в коридоре грязно, — серьёзно сказал Боря. — Мама очень много работает допоздна и не всегда успевает убраться. А я ещё не всё умею убирать. И мама говорит, что если я всё буду делать по дому, то у меня не будет детства.

Они с удовольствием поужинали. За весь день Оля скушала только порцию мороженого, поэтому котлета и макароны показались ей самой вкусной едой на планет. Даже вкуснее бабушкиных блинов. Боря тоже опустошил свою тарелку мгновенно. Он смотрел то на Олю, то на Лучика и улыбался до ушей. За окном стемнело настолько, насколько темнеет в это время года и в комнате царили настоящие ночные сумерки.

— Вкусно? — Боря снова улыбнулся, а Оля лишь закивала. — Пойду отнесу тарелки и принесу попить чего-нибудь.

Он схватил обе тарелки и уже собирался встать, как вдруг застыл на месте. Даже в полумраке было видно, как с его губ сошла улыбка, а в глазах появился животный ужас. В наступившей тишине отчётливо щёлкнул замок входной двери в прихожей.

— Я уж думал, что он сегодня не придёт, — еле слышно прошептал Боря и дрожащей рукой поставил пустые тарелки на письменный стол.

За дверью, по прихожей, зашуршали поспешные шаги: мама Бори шла кого-то встречать. Боря обречённо опустился на диван-кровать. Оля села рядом и постаралась заглянуть ему в глаза. Лучик, чуя недоброе, встал с нагретого места и поспешил к детям.

Входная дверь с грохотом открылась. Что-то упало, а мама Бори охнула. Раздался мужской, заплетающийся, громкий и грубый голос.

— Чё, не ждали?! А я припёрся! Чё тут у вас, как?

Мужчине никто не ответил. Тогда он продолжил:

— Ну, таращиться долго будешь?! Встать помоги…

— Сейчас, Антон, сейчас помогу.

Из-за бормотания мужчины и грохота падающих вещей женский голос было почти не слышно. По квартире стал растекаться удушливый запах спиртного.

Боря бросился к двери и закрыл шпингалет, потом он вернулся на диван, сорвал одеяло и забрался под него целиком, как был, в одежде. Затем он выглянул наружу.

— Забирайтесь ко мне. Пожалуйста.

Оля и Лучик юркнули под тонкое одеяло. Звуки стали приглушённее, но не пропали вовсе. Боря держался за одеяло обеими руками, словно боялся, что оно улетит.

— Где он? У себя? — донеслось снаружи.

— Он уже спит. Не буди его, — голос мамы был еле слышен.

Дверь сотряс удар. Потом ещё один. Шпингалет дребезжал, готовый оторваться от дверного косяка в любое мгновение. Что-то говорила Борина мама. Лучика дёрнулся, чтобы вылезти из-под одеяла и защитить детей, но Оля остановила его.

— Помолитесь со мной, — едва сдерживая слёзы, попросил Боря.

— Но я не умею, — растерялась Оля.

— Я тоже не умею. Но вдруг получится?

В душной темноте под одеялом Боря сложил руки в молитве.

— Дорогой Бог, помоги мне, пожалуйста. Пусть папа больше не ругается, пусть он больше не пьёт и не обижает меня и маму. Пусть всё будет как раньше. Чтобы он опять улыбался, и мама чтобы улыбалась. И мы опять все вместе гуляли. И чтобы папа нашёл работу, а мама не работала на двух работах и могла бы со мной играть, как раньше. Пожалуйста, Господи, помоги нам.

Оля, как могла, повторяла сбивчивую молитву. За это время шум в прихожей стал затихать, дверь больше не сотрясали удары. Там рухнуло что-то тяжёлое, так, что пол вздрогнул. Тихо о чём-то говорила мама Бори. Затем всё окончательно стихло.

Дети так и сидели под одеялом. Прошла уже целая вечность Становилось по-настоящему жарко, стало трудно дышать. Первым не выдержал Лучик. Пёс высунул морду наружу, на разведку. В прихожей кто-то отвратительно храпел, источая зловоние. Тогда Лучик спрыгнул с дивана и сел возле двери, на страже, готовый встретить любого, кто посмеет открыть дверь в комнату.

Вслед за ним, Боря скинул с себя одеяло, на цыпочках подкрался к двери и прислушался. Всё тот же храп и больше ни единого звука. Тогда Боря заметно успокоился и вернулся на диван. Оля так и осталась сидеть, накинув на плечи одеяло, как плащ.

— И так почти каждый день, — горько сообщил Боря и всхлипнул.

Мальчик заметно успокоился, как только услышал храп из прихожей. Вздыхая, он рассказал, что папа был таким не всегда.

Боря уже плохо помнил те времена, но раньше отец был другим. Он был весёлым, добрым, с мягкой смешной бородой. Часто носил сына на руках и дарил подарки. И маму тоже носил на руках и дарил ей цветы. Но потом что-то изменилось. Как объяснила бабушка, папу победил «зелёный змий». С того момента, он стал много пить. От него теперь дурно пахло, он стал прогуливать работу и, в конце концов, его уволили. Наверное, папу это очень разозлило, потому что теперь он злился всегда. Из их дома стали пропадать вещи. Наверное, папа не помнил, что сам забирал их и обвинял во всём маму и Борю. Ругался на них. Даже бил. Теперь папу совсем было не узнать: уходил рано утром, вечно недовольный, плохо пахнущий и неряшли-

вый. А возвращался поздно вечером, иногда весёлый, но чаще (гораздо чаще), как сейчас, злой. И тогда самое классное, что могло произойти, так это чтобы папа сразу уснул, как сейчас. Пару раз они с мамой пытались отнести его в спальню, но папа для этого был слишком тяжёлый. А однажды он даже проснулся и так раскричался, что теперь они не решаются его трогать.

Боря не знал, кто такой «зелёный змий», но очень бы хотел найти того волшебника, способного победить этого самого змия, кем бы он ни был. Потому что сам мальчик справиться с этим не может: змий явно волшебный и не по зубам простым людям, раз смог одолеть даже папу. Но Боря не мог оставить маму одну. И папу бросить они не могут. Потому что до сих пор любят его. Мама верит, что папа одумается и всё станет как прежде. Поэтому она старается делать вид, что в их доме ничего не поменялось, что всё идёт своим чередом. Но Боря понимает, что это не так. Бедная мама теперь работала за двоих, чтобы их семья хоть как-то могла сводить концы с концами. Она отказывалась верить, что того человека, которого однажды полюбила, больше нет.

В прихожей всхрапнули особенно громко и там кто-то простонал. Боря вытащил из комода красно-зелёный старый плед и аккуратно, чтобы не шуметь, открыл дверь. Храп стал слышен отчётливее, как и вонь алкоголя. Лучик продолжал сидеть на страже, а Оля встала рядом с ним, пытаясь понять, что задумал мальчик.

Боря подкрался к лежащему на полу мужчине со спутанной бородой и в мокрых штанах. Мальчик аккуратно накрыл отца пледом, тот сразу же в него завернулся, как ребёнок. Тогда Боря поспешно вернулся в комнату и вновь запер дверь.

— Вот теперь порядок. До утра можно не беспокоиться. Но попить я теперь не смогу принести. Прости.

— Ничего, у меня есть сок.

Оля достала из рюкзака две маленькие коробочки с соком, прихваченные из дома. Дети, сидя в тишине, нарушаемой лишь храпом, пили яблочный сок и смотрели друг на друга. Глаза Бори были совсем не похожи на глаза других ребят, которых Оля встречала раньше. Они были у него совсем взрослые, грустные, сосредоточенные. В них совсем не осталось места задору или беззаботного ожидания завтрашнего дня. «Наверное, скоро у меня будут такие же глаза» — подумала Оля.

Сок приятной прохладой растёкся по желудку. Город к этому времени окончательно уснул: не стало слышно ни шагов припозднившихся прохожих, ни даже шороха шин одиноких автомобилей. Только ласточки не спали, всё так же изредка вскрикивая в тёмном небе, уже всерьёз собравшемся светлеть в середине ночи.

Веки наконец стали тяжелеть. Оля покосилась на Лучика: верный друг мирно спал, свернувшись клубком в кресле. Но одно ухо пса всё равно подёргивалось: четвероногий страж готов был проснуться при малейшем шорохе в прихожей и защищать детей ценой своей жизни. Вид Лучика окончательно успокоил Олю, она повернулась к Боре, но тот уже спал, отвернувшись к стене и прерывисто вздыхая. Раздеваться не хотелось, поэтому она просто легла на краешек дивана.

Несмотря на обилие впечатлений за день, и явную опасность за дверью, Оля быстро провалилась в сон без сновидений. Ей очень хотелось, чтобы этот день побыстрее закончился. Хотелось поскорее попасть в день завтрашний, чтобы постараться завершить путешествие за планируемые два-три дня и тогда у Оли не только получится спасти маму, но и сохранить для себя долгожданное лето. Тем более такое тёплое и красивое, как в этом году.

7. Новый день.

Наутро комната оказалась залита золотистым светом солнца. На секунду Оле даже показалось, что она вновь очутилась дома. Что вот сейчас она откроет глаза, а перед ней – её любимая комнатка, а с кухни доносится аромат папиного кофе. Но за окном шуршали незнакомые деревья, а где-то поодаль гудели автомобили. Город уже проснулся и спешил набрать привычный ритм.

Вокруг была всё та же Борина комната с потёртым ковром на стене. Сам мальчик что-то искал в ящиках письменного стола, тихонько шурша бумагами, стараясь не разбудить свою гостью. Стоило Оле пошевелится, как Лучик тут же перестал дремать и внимательно посмотрел на хозяйку, ожидая новых решений и готовый ко всему.

— Вот! — торжествующе сказал Боря. — Нашёл!

Он, бесконечно довольный, выудил из ящика маленький фотоснимок, затем вернулся на диван и уселся рядом с девочкой. С наступлением утра, мальчик вновь выглядел довольным и жизнерадостным. Ужасы ночи миновали, растаяли под лучами утреннего солнца, как густой туман и значит, сейчас всё хорошо и ни о чём плохом можно не думать, пока вновь не наступит время темноты. Этому свойству детской психики очень хорошо бы обучиться многим взрослым: не страшиться того, что ещё не наступило. Ценить каждый миг спокойствия.

— Что это? — спросила Оля чуть осипшим от сна голосом.

На маленьком снимке запечатлели счастливую семью: мужчина с аккуратной, но пышной бородой, миловидная женщина с копной рыжих волос. И бойкий мальчуган лет четырёх: вне всяких сомнений, Боря. Снимок не был профессиональным и постановочным: чуть смазанный и низкого качества.

— Это моя семья, — объяснил Боря, протягивая подруге снимок. — Мне когда-то подарили на день рождения мой собственный фотоаппарат, я очень любил на него фотографировать всё вокруг. Как-то раз я сфотографировал маму и папу вместе с собой. Папе так понравился этот снимок, что он распечатал его, чтобы оставить у нас на память.

— Красивый, — искренне призналась Оля.

— Я хочу, чтобы ты взяла его с собой.

Оля удивлённо вскинула брови.

— Бери-бери, — настаивал мальчик. — Когда ты найдёшь волшебника, пожалуйста, попроси его, чтобы он сделал нас такими же счастливыми, как на этой фотографии. Да, я знаю, что у тебя своё сокровенное желание и очень важное. И я не прошу тебя вместо него выбрать моё. И я помню, что сам должен добраться до волшебника, чтобы он сделал чудо. Но а вдруг? Вдруг он согласится? Я не могу оставить маму одну, понимаешь? Только не с ним. Не с таким папой. Возьми, пожалуйста.

Оля заглянула мальчику в глаза. Боря был полон упрямой решимости. Волшебник для него – последняя надежда спасти маму и папу. Спасти свою семью. «Почему же волшебников так мало? — подумала Оля. — Ведь стольким людям нужна их помощь». Она положила снимок в передний кармашек рюкзака, намереваясь во что бы то ни стало уговорить волшебника помочь и Боре тоже. Это то немногое, что девочка могла сделать для своего друга за его помощь.

Ещё было очень рано, но дети решили не испытывать судьбу и ускользнуть наружу прежде, чем проснётся отец Бори. Мальчик аккуратно приоткрыл дверь. Мужчина всё так же лежал в прихожей, уже не храпел, а лишь тихонько посапывал. Пахло перегаром и чем-то кислым. В квартире стояла тишина: мама Бори уже успела убежать на работу, оставив для сына завтрак на кухне.

Но мальчик кушать не хотел. Он хотел как можно быстрее увести Олю и Лучика подальше от своей квартиры. Да и самому ему находится с папой один на один было неприятно и, честно говоря, иногда страшно, даже при свете дня.

Они шагали по тротуару, вдоль оживлённой широкой улицы, уже забитой потоком машин, поблескивающих кузовами на солнце. Над ними нависали пышные ветви кустарников, ещё не до конца отдавшие ночную прохладу. Мимо шли улыбающиеся бабушки в пёстрых сарафанах, задумчивые мамы с колясками и сосредоточенные взрослые всех мастей и возрастов для которых солнечное летнее утро ничем не отличалось от промозглой зимы – ведь все они спешили по очень важным делам и на работу. И им некогда было поднять голову, чтобы увидеть, как свет играет в ветвях деревьев.

Оля с неудовольствием косилась на оживлённую дорогу по левую руку. Почему-то этот железный гул и пыль из-под колёс вызывали у неё раздражение. Ей вновь хотелось нырнуть в тихие маленькие дворы, где нет такой суеты. Нет такого шума.

— Так что ты решила? — вопрос Бори выдернул девочку из раздумий. — Что будешь делать дальше?

— Не знаю, — вздохнула Оля. — Я думаю, надо поймать попутную машину, раз не могу купить билет на автобус.

— Думаешь, — хмыкнул Боря, — взрослые согласятся тебя подвезти и не отправят домой?

— Согласятся, если я не буду просить их увезти меня очень далеко. Я буду врать, что мне нужно доехать до бабушки в ближайшую деревню или город.

Боря остановился.

— Так чего ждём? Вон сколько машин мимо едет.

Мальчишка кивнул на ревущий стальной поток. Но Оля покачала головой.

— Мы сейчас в центре города. Они все тут ездят по делам и только по городу. Мне нужно дойти до окраины и уже там ловить машину. Ту, которая из города едет. В нужную сторону.

— А какая сторона нужная?

Ничего не ответив, Оля сняла с плеч свой рюкзак, поставила его на асфальт и открыла. Лучик с готовностью попытался засунуть туда морду, но был безжалостно отстранён. Тогда ему ничего не оставалось, как вздохнуть и оценивать прохожих на предмет возможной угрозы для детей. Проблема состояла в том, что Лучик не был сторожевым псом и все люди в его глазах выступали исключительно в благообразном виде. Поделать ничего со своей природой он не мог.

— Вот! Нашла!

Боря вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что же она там нашла. А Оля, довольная собой, достала на свет и продемонстрировала ему компас.

— О, я знаю что это! — просиял Боря. — Папа мне показывал такой и научил пользоваться. Пока ещё… Ну… Пока ещё играл со мной.

Вместе дети сориентировались в дорожном атласе и определили, что двигаться Оле нужно в восточную часть города. Стрелка указывала прямо на кусты на краю тротуара. Боря уже был готов продираться сквозь заросли с боем, не считаясь с препятствиями, но Оля остановила его.

— Давай пойдём по тротуару до поворота, хорошо?

Мальчик легко согласился. Стрелка компаса вела их вглубь дворов, подальше от оживлённых улиц, что радовало всех троих: Оле нравилась тишина и шелест деревьев, Боре были знакомы эти дворы, потому что он проводил здесь все дни напролёт. А Лучик радовался, что может ловить мелькавших вокруг бабочек и не так беспокоиться за детей, потому что прохожих в разгар дня во дворах всегда минимум. Парочка старушек у подъезда, да детвора на качелях.

Очередной тихий дворик остался позади и Боря вдруг остановился, стараясь не смотреть девочке в глаза.

— Вот и всё, Оля. Дальше я не пойду.

Она тоже остановилась и понимающе, по-взрослому, взглянула на друга.

— Тебе дальше нельзя ходить, да? Будут ругать?

— Не поэтому, — мотнул головой Боря. — Скоро проснётся папа. Надо ему дать покушать. И посмотреть, чтобы ему не было плохо. Ему бывает очень плохо по утрам. Его начинает тошнить.

— А ты не боишься его?

— Днём не боюсь. Он, когда просыпается… Когда он не пьяный, то не злой. Извиняется, прощения просит. Обещает, что больше так не будет. Мне надо к нему.

Он так и стоял потупив голову. В пустом дворе было слышно, как деловито жужжит шмель над бутоном цветка. Где-то в открытом окне засвистел закипающий чайник. Наконец, Боря поднял на Олю глаза.

— Только… Пожалуйста, не забудь про фотографию, ладно?

Оля обняла друга. Мальчик так и остался стоять, не зная, что делать. А Лучик подошёл и лизнул его в руку, в качестве поддержки.

— Не забуду, — прошептала Оля. — Ни за что не забуду.

— Ты справишься, — сказал мальчик чуть дрогнувшим голосом. — Ты обязательно его найдёшь. И спасёшь маму.

Как только она отстранилась, Боря тут же повернулся и зашагал прочь, чтобы она не видела его слёз. Жизнь мальчика состояла из таких вот островков: ночью – страх, днём – облегчение, что мрак остался позади. И надежда, что следующая ночь, наконец-то, не принесёт с собой ужаса. Только эта надежда и давала ему силы. А теперь к ней прибавилась ещё одна: отданная новой подруге самая ценная в его жизни вещь. И Боря действительно верил, что у отважной путешественницы всё получится.

Оля смотрела ему вслед. Картинка перед глазами расплывалась, девочка всхлипнула и утёрла лицо кулачком. Лучик склонил голову на бок и тихонько гавкнул: «Не бойся, я с тобой».

Оля понимающе кивнула и побрела дальше. За то короткое время, что она провела с Борей, успела привыкнуть, что рядом с ней кто-то есть. И оказалось, что делить любую беду на двоих гораздо легче. Тогда вокруг не так страшно, не так темно. И даже когда в комнату к тебе, среди ночи, ломится пьяный взрослый, всё равно не так страшно, когда рядом друг.

Когда Боря ушёл, в её душе образовалась зияющая пустота. Только теперь Оля стала отчётливо понимать, что не знает, куда двигаться дальше. Не знает, где именно живёт волшебник и как до него добраться без автобусов. Она никогда не ездила на попутках. Каждый раз придётся высматривать в атласе подходящее название и врать водителям. А что, если в каком-нибудь городе, уже далеко от дома, она не сможет найти попутку? Что тогда она будет делать? Конечно и мысли не возникало, чтобы повернуть назад. Об этом не могло быть и речи. Но путешествие не будет лёгким и быстрым, это уж точно. «А кто сказал, что будет легко?» — вспомнила Оля слова своего дедушки. Сейчас не получится вспомнить, по какому поводу он это сказал, но наверняка фраза применима и здесь. Она вообще много, где применима.

— Какой миленький! Можно погладить?

Оля с трудом стряхнула с себя тяжёлые мысли и осмотрелась вокруг. Оказалось, что всё то время, пока она ворочала в голове мрачные мысли, по инерции продолжала идти вперёд. И сейчас находилась рядом с большой детской площадкой во вновь благоустроенном дворе. Одну из тех больших площадок, какие строят теперь на несколько домов вместо маленьких качелей, установленных у каждого подъезда.

Сейчас был разгар дня, на площадке с гиканьем носилась детвора, каталась с горок, лазила по всевозможным подвесным мостикам и башенкам. Чуть поодаль, на скамейках, вос-

седали мамы и бабушки, переговариваясь между собой и изредка покрикивая на какое-нибудь излишне разыгравшееся чадо. Было шумно и весело, как в парке аттракционов.

На Лучике висел бойкий мальчуган лет четырёх, в джинсовом комбинезоне и улыбался до ушей. Рядом стояла девочка, помладше Оли, но почти с неё ростом, ей было около семи. Она чесала и гладила пса, с надеждой и опаской поглядывая на Олю: не запретит ли хозяйка холить Лучика?

Сам Лучик, напрочь забыв о твёрдом намерении стать сторожевым псом после сегодняшней тревожной ночи, с удовольствием подставлял незнакомой девочке бока и закатывал глаза от удовольствия. Ещё чуть-чуть и от переизбытка чувств ему придётся упасть спиной спиной на траву и кататься в ней, высунув язык. Других методов выразить столь высокие чувства пёс не знал.

— Конечно, можно, — пробормотала Оля, только сейчас до конца поняв, что у неё спросили.

— Ура! — дети аж руки вскинули вверх от восторга, а их глаза заблестели благодарностью. — Пойдём с нами! Мы тебя со всеми познакомим! Ты недавно здесь, да? А как тебя зовут? А как зовут пёсика?

— Оля. Лучик, — монотонно ответила Оля.

Дети потянули её за собой на площадку. Их тут же обступили дети, воздух наполнился весёлым гиканьем и криками. Лучик был в полном восторге: давно ему не удавалось быть в центре внимания у такого количества детей: его чесали, гладили, с ним играли в догонялки, ему кидали мячик и угощали всяким разным. И всё это делалось, само собой, одновременно.

Оля осталась стоять на краю площадки, наблюдая за весёлой толпой с Лучиком в центре. Мрачные мысли всё ещё роились в голове, не давая возможности окунуться в веселье, как это получилось вчера, с Борей. На зелёноё покрытие площадки упала чья-то большая тень и девочка подняла глаза: перед ней стояла стройная молодая женщина в лёгком летнем платье в цветочек.

— Какой красивый пёс, — сказала она, кивнув на прокатившуюся мимо весёлую толпу с Лучиком в центре. — Как его зовут?

— Лучик.

Женщина рассмеялась: тот мальчик, что первым вцепился в Лучика, попытался забраться на него верхом, но пёс извернулся и сам попытался запрыгнуть ему на плечи.

— Такие они неугомонные, — сказала она, присев на ближайшую скамейку и сложив тонкие руки на коленях. — Это мои дети: мальчик и девочка. Мальчика зовут Антон, а дочку – Амелия. Амелия, наверное, чуть помладше тебя. Ей семь лет. Они первые заметили твоего Лучика на площадке. Так любят животных. Оба. Теперь, наверное, нам придётся завести собаку. — женщина добродушно рассмеялась. — Что это за порода? Лабрадор? Хотя нет, наверное всё-таки ретривер. Верно?

Оля кивнула и ничего не ответила. Женщина смерила девочку взглядом. Вид у Оли был неважный: она была в путешествии уже два дня и за это время ни разу не умывалась и не расчёсывалась. А большой рюкзак за спиной, что не снимался с самого утра, уже успел оставить красные полосы на тонких плечиках.

— Меня зовут Мария, — сказала женщина, стараясь заглянуть девочке в глаза.

В этот момент толпа, больше напоминающая разворошенный пчелиный улей, вновь пронеслась совсем рядом с ними и оттуда вынырнула Амелия:

— Оль, ты чего здесь стоишь? Давай с нами!

Амелия схватила её за руку, потащила за собой и уже через мгновение обе скрылись в толпе, где рыжей молнией мелькал Лучик. А Мария с жалостью смотрела Оле вслед: девочка выглядела неопрятной, неумытой и даже голодной. И этот растерянный взгляд, ответы как будто невпопад. Женщина сделала для себя единственный логичный вывод: девчушка из небла-

гополучной семьи и потому целые дни напролёт проводит на улице, в компании верного четвероногого друга, который, между нами говоря, тоже стал терять домашний лоск в суете путешествия. И этот огромный рюкзак за спиной девочки, явно с вещами первой необходимости… Может, она вообще бездомная? Беспризорница?

Олю, тем временем, окружили дети. Со всех сторон на неё лился смех, восторженные вскрики и весёлый лай Лучика. Кто-то сунул ей в руку конфету, кто-то – вручил красивый одуванчик. И, наконец, Оля отдалась беззаботному веселью. Она наконец вспомнила, что тоже ребёнок и позволила летнему потоку веселья нести себя, как река несёт оторвавшуюся кувшинку. Солнце заливало детскую площадку, со всех сторон доносился смех, скрип качелей и запах лета. Было хорошо. Так беззаботно, словно и не было этих двух дней. Она вновь почувствовала себя маленькой девочкой, коей и являлась, само собой. Где-то в самой глубине её души пытался поднять голову страх за маму, но смех со всех сторон, одуванчик и июньские солнечные лучи напрочь выжигали этот страх, оставляя единственно верную и доступную только детям мысль: всё будет хорошо. Не смотря ни на что.

А со стороны за ней наблюдала Мария. Наблюдала и грустно улыбалась. Женщина понимала, что бедной девочке нечасто выдаётся возможность вот так весело провести время, хоть на короткий миг забыть о тягостях своей нелёгкой судьбы. Мария чувствовала, как полуденное солнце нещадно печёт её плечи: пора прятать четырёхлетнего Антона от зноя и кормить детей обедом.

— Антон! Амелия! Пора идти обедать! Прощайтесь с ребятами!

Кроме них двоих, на необычно зычный голос Марии, перекрывший собой весь шум площадки, повернулась и Оля. Из её глаз мгновенно пропала искорка веселья и стало медленно расти беспокойство: совсем скоро она вновь останется одна. И Мария заметила этот страх.

— Уже? — разочарованно спросила Амелия, вцепившись в ошейник Лучика. — А можно Лучик и Оля придут к нам в гости? На обед?

Оля испуганно замотала головой.

— Ой, нет-нет, мы не можем. Нам надо идти. Тоже.

По площадке разнёсся всеобщий вздох разочарования: Лучик уходил. Даже некоторые бабушки, и те вздохнули на своих скамейках: теперь дети не будут отвлечены на пса и могут начать придумывать более опасные забавы: прыгать с самой высокой башни площадки или вообще попытаться сбежать из-под бдительного контроля.

— Куда это тебе надо идти? — прищурилась Мария.

И вновь женщина сделала для себя единственный логичный вывод: девочка стесняется приходить к кому-то и, уж тем более, просить помощи.

Оля замялась, не зная, что ответить.

— Я иду к бабушке, — наконец, вспомнила она свою легенду. — Она живёт там, на краю города.

Оля неопределённо махнула рукой куда-то вдаль. Маленький Антон покрепче вцепился в Лучика, помогая сестре убедить его пойти в гости. Мария же продолжала внимательно смотреть на девочку: скорее всего она просто не доверяет незнакомцам, как и многие беспризорники.

— Ну бабушка же не будет против, если ты у нас пообедаешь? А потом пойдёшь к ней.

Желудок Оли предательски заурчал.

— Так, решено, — Мария хлопнула в ладоши. — Все дружно идём к нам обедать.

— Ура! — закричали Амелия и Антон.

Оле вынуждена была согласиться. Добрая женщина могла продолжить задавать вопросы и тогда бы шансов выкрутиться уже не было. Да и что в этом плохого? Сейчас они с Лучиком пообедают и отправятся дальше, как будто бы к бабушке.

8. В гостях.

Оказалось, что новые друзья живут в ближайшем доме. Подъезд тут же наполнился весёлыми криками донельзя довольного Антона, так и оставшегося висеть на Лучике, словно мальчик боялся, что пёс исчезнет. Верный друг Оли был не против: он обожал детей и повышенное внимание к своей персоне. Амелия же взахлеб рассказывала притихшей Оле о своей клёвой комнате и что они наверняка теперь станут лучшими подругами.

Подъезд был старый, давно без ремонта, но жильцы сами ухаживали за ним, как могли. На подоконниках стояли пышные домашние растения. На стенах, с кое-где облупившейся краской, висели детские рисунки в аккуратных рамочках. От стен, от этих цветов, от рисунков, веяло настоящим домашним теплом, которое неспособны дать никакие ремонты и мраморные лестницы. Здесь всем были рады. Жильцы делали подъезд таким, не опасаясь, что кто-то разрушит, испортит: они доверяли миру.

Вся компания столпилась на узкой площадке четвёртого этажа, перед массивной современной дверью чёрного цвета. Мария со звонким щелчком повернула ключ в замочной скважине и посмотрела на своих гостей:

— Вы двое – сначала в ванную, хорошо?

Амелия и Антон первые, с гиканьем, забежали в квартиру, сбросив обувь. Мария же повела послушного Лучика в ванную, пока тот не успел разнести грязь по всей квартире. Оля осталась стоять в прихожей, предоставленная сама себе и осматриваясь по сторонам.

Квартира оказалась обставлена по последнему слову моды и техники. Красивая плитка и ламинат, причудливые светильники, деревянные панели на стенах. Было слышно, как дети попросили голосового помощника включить музыку и мультики. А Мария из ванны крикнула, чтобы он же поставил греться чайник и включил мультиварку. Приятный женский голос с удовольствием согласился и отчитался, что всё выполнено.

А Оля продолжала с интересом глазеть по сторонам. Дом был очень ухоженный, можно даже сказать, стерильный. Словно музейный зал, а не жилое помещение. Всё здесь было самым лучшим, но каким-то неживым. Столешницы поблескивали деревом, без единой пылинки. В прихожую выскочила Амелия, вновь схватила Олю за руку, как тогда, на площадке и потащила за собой: показывать детскую.

Детская комната оказалась большой, тоже очень современной. Всё вокруг было завалено игрушками под самый потолок. Из мягких плюшевых зверей здесь оказался сооружён целый импровизированный диван, на котором сейчас с удовольствием валялся бойкий Антон. Он делал себе нору, как он объяснил, чтобы мама его не нашла и не отправила кушать.

Комнату заливал полуденный свет, из красивой большой колонки лилась смешная песенка, а огромный телевизор на стене показывал не менее смешной мультик. На мгновение Олю даже взяла зависть, но только на мгновение. Почему-то девочку не трогали все эти навороченные штуки. Она чувствовала, что важно совсем другое. Но никак не могла облачить в слова, что именно.

В комнате промелькнула смазанная оранжевая молния и дети восторженно закричали: к ним забежал освежившийся Лучик. Следом за ним зашла запыхавшаяся Мария, подол её платья теперь был промокшим насквозь, но женщина довольно улыбалась. Она и сама, как и её дети, обожала животных. Особенно, когда за ними не надо ухаживать постоянно, а только так, как сейчас: когда пришли гости.

— Теперь твоя очередь, — улыбнулась женщина Оле.

Девочка кивнула и первой вышла из детской. Дети даже не заметили этого, полностью поглощённые игрой с Лучиком, почуявшим облегчение, смыв с себя полуденный летний зной.

На пути в ванную, Оля покосилась на красивый лакированный комод в коридоре.

— У вас очень красивый дом.

Мария улыбнулась.

— Да, наш папа хорошо зарабатывает.

— Это очень хорошо. Можно много всего себе купить.

— Да, хорошо, — Мария почему-то вздохнула. — Вот только дома редко бывает.

Оля остановилась перед самой дверью в ванную комнату, развернулась и серьёзно посмотрела на добрую женщину.

— Можно я сама помоюсь? Я умею.

Мария спохватилась, что ведёт себя бестактно.

— Конечно-конечно, Олечка. Всякие шампуни и гели детские на нижней полочке возле ванны. Воду я тебе уже набрала. Одежду можешь кинуть в стиральную машину: я тебе подготовила вещи Амелии. Тебе должны подойти по размеру, хотя бы для дома. Зови, если что-нибудь понадобится.

Она с лёгкой грустью смотрела, как девочка протиснулась в дверь со своим огромным рюкзаком: бедняжка привыкла не доверять окружающим и потому старается никогда не терять свои немногочисленные пожитки из виду.

Нашей героине просто хотелось побыть немного одной. Не то, чтобы она любила одиночество, детям такое не свойственно. Но сейчас, когда вокруг неё возник водоворот событий, принёсший её сюда, хотелось немного перевести дух и подумать, что делать дальше.

Вода оказалась чуть прохладней, чем привыкла Оля, но в такой зной это даже хорошо. Она забралась в ванну и уставилась в ровный белый потолок с тёплыми маленькими светильниками. Мысли растворялись в воде. Если в первое мгновение уставший разум ещё трепыхался, пытаясь поселить в душу тревогу, что зря они сюда пришли, что эта женщина точно передаст её полиции, когда всё поймёт и те отправят Олю домой, то теперь остался только лёгкий плеск воды, звонкий детский смех за стеной и негромкий лай Лучика.

Рюкзак, оставленный возле ванны, зашевелился и оттуда, кряхтя и ворча что-то неразборчивое выбрался Тузя, усевшись прямо сверху на своё убежище. Мгновение Оля смотрела на него, затем вновь перевела взгляд на светильник на потолке.

— Хороший дом, — сказала она. — Красивый. Такое всё модное.

— Да, — хмыкнул Тузя. — вот только счастье здесь не живёт.

— Почему это не живёт?

Оля обернулась на детский смех, затем вопросительно посмотрела на Тузю. Тот лишь отмахнулся.

— Да потому что они бы хотели, чтобы их папа был с ними, а не зарабатывал деньги на игрушки и модные колонки.

— Но у них есть папа! — удивилась Оля. — Эта тётя сказала, что он просто много работает.

— Да, работает. Даже слишком много работает. Так много, что его семья может не видеть его неделями. Это разве счастье? Он приходит с работы поздно ночью, когда все спят и уходит опять рано утром, когда всё ещё спят. А выходные у него бывают так редко, что на них он только спит, потому что ни на что другое сил у него нет.

— Откуда ты знаешь? — поразилась Оля, дёрнувшись в ванной, тем самым создав маленькое локальное цунами, потревожившее закиданные Марией в воду игрушки.

Тузя посмотрел на хозяйку то ли с удивлением, то ли с пренебрежением.

— Ты же не думаешь, что обычный плюшевый медведь может двигаться и разговаривать?

Он покряхтел и, продолжая что-то ворчать, забрался обратно в рюкзак.

Мгновение Оля смотрела на рюкзак, силясь переварить его слова, но затем спохватилась: вода в ванной остывала и надо поскорее помыться, пока не замёрзла. Да и из-под двери стал

долетать запах очень вкусного обеда и девочка вновь вспомнила, что кушала последний раз вчера.

Вещи Амелии действительно оказались Оле почти впору, несмотря на из разницу в возрасте. Девочка переоделась в светло-фиолетовые лосины и ярко-жёлтую футболку со смешным котом. Волосы Оля накрыла пушистым полотенцем, завязав его на голове так, как учила её мама.

Девочка вышла из ванны, полная сил, смывшая с себя не только грязь, но и тревоги. Мир вокруг казался прозрачным, кристально чистым,свежим, понятным. И в этом мире всё будет получаться так, как должно и никак иначе. Тело приятно пахло какими-то цветами, почему-то Оля решила, что так пахнут фиалки.

Найти кухню оказалось нетрудно: достаточно было идти на умопомрачительный запах. Амелия и Антон уже были за столом. Девочка с удовольствием уплетала суп, а мальчик лишь уныло ковырялся в тарелке ложкой. Сделать из игрушек тайный грот и спрятаться в нём от обеда всё же не удалось. Мария уже переоделась в домашнее и хлопотала возле плиты, на которой стояло внушительное число кастрюль и сковорода, пышущие паром. На удивление, кухня была совсем небольшой: стоя у плиты, достаточно было повернуться, чтобы практически упереться в обеденный стол. Окно было открыто, чрез него лился смех с детской площадки. Мария взглянула на вошедшую Олю и всплеснула руками:

— Какая ты молодец! И полотенце сама повязала! После обеда я дам тебе расчёску и помогу расчесать волосы, если захочешь. Садись кушать.

— Спасибо, я сама могу причесаться, — пролепетала Оля и села перед огромной тарелкой супа, больше похожей на супницу, чем на одну порцию.

Лучик стоял возле самой стены и уплетал что-то из большой миски. Пёс лишь раз взглянул на хозяйку, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке, после чего вновь вернулся к трапезе. Это значило, что ему пища пришлась по вкусу. Впрочем, привередой он никогда не был.

Антон со скорбью в глазах взглянул на Олю.

— Мама столько всего наготовила, как будто сейчас новый год!

И это была правда: Мария действительно приготовила всего побольше, чтобы их новая гостья могла как следует поесть. Понятно, что девочка не станет сама просить еду, постесняется, поэтому женщина решила всё приготовить как будто «невзначай». Словно каждый обед в их семье проходит именно так.

Кроме огромной тарелки супа, перед Олей поставили блюдо с внушительных размеров сардельками и порцией гречневой каши; овощной лёгкий салат из помидоров и огурцов; не менее лёгкий фруктовый салат из граната, банана, яблока, груши и апельсина. С трудом, но на стол смог поместиться ещё запотевший большой стакан морса. Ещё Мария подумывала приготовить какие-нибудь оладьи или пирожки, чтобы дать девочке с собой. Только её беспокоило вот какое обстоятельство: что бы она не приготовила, всё быстро испортится на летней жаре.

— Мама, да на столе уже места нет! — взмолилась Амелия. — Сядь уже сама кушать! А то мы лопнем!

Мария поспешно села, сбоку от Оли, аккуратно кушающей суп и поглядывающей на красивые сочные сардельки. Ведь мире нет детей, которые предпочтут есть суп при наличии сарделек. И не пытайтесь разубедить в этом автора.

— А можно мне сардельку?

— Конечно можно, — спохватилась Мария и переставила тарелку поближе.

— У вас такой красивый дом, — сказала Оля. — Вы наверное очень своим гордитесь мужем. Он так много зарабатывает.

— Да, много, — тихо отвечает Мария. — Он у нас хороший, правда. И добрый, — добавила она со вздохом.

Женщина отвела глаза. Она не хуже плюшевого Тузи знала, что для семейного счастья этого недостаточно. Что для счастья нужны любовь, совместные ужины и общие выходные с детьми. Но Мария даже себя одёргивала от этих мыслей, считая их слишком эгоистичными: он так много работает, чтобы обеспечить семью всем самым лучшим, что стыдно даже думать о том, чтобы упрекнуть его в игнорировании близких.

— Моего папу зовут Гриша, — сообщил Антон, с облегчением видя, что никто не обращает внимания на его игнорирование супа.

— Он правда хороший, — подтвердила Амелия. — Только редко с нами играет. Один раз я его не видела три недели, представляешь? Я подумала, что он куда-то уехал. А оказалось, что он просто приходил так поздно, что мы уже спали.

Оля посмотрела на Марию. Та лишь грустно улыбнулась. Дети оживились при разговоре об отце и стали наперебой рассказывать, какой он хороший, как бывает здорово, когда он дома и может с ними поиграть. Или хотя бы просто побыть рядом. «Это даже лучше, чем день рождения», — серьёзно заявил маленький Антон.

Всё в этом доме было хорошо: и мебель, и дети, и Мария. «Только здесь нет счастья» — вспомнила Оля слова Тузи. А что же тогда такое – это самое счастье? «Наверное, чтобы все были здоровы, да», — Оля даже едва заметно кивнула головой в подтверждение своих мыслей. А что, если Мария заболеет от того, что её муж всегда далеко? Такое ведь может быть, правда? Да и он сам может запросто загрустить по семье настолько, что начнёт плохо себя чувствовать.

Оля была абсолютно уверена, что её мама заболела как раз потому, что слишком много работала.

— Вашему мужу нужно меньше работать, — серьёзно сказала Оля. — Чтобы проводить с вами больше времени.

Мария горько рассмеялась.

— Вот видишь: ты, маленькая девочка, у нас погостила всего пару часов, а уже это поняла. А он – взрослый дядя и никак не может этого понять!

Амелия увела маленького Антона на тихий час, а Оля так и осталась сидеть на кухне, не зная, как поблагодарить добрую женщину за гостеприимство и отправиться дальше, на поиски нужной окраины города и такой нужной попутки. А ведь уже вечерело и времени до наступления темноты оставалось всё меньше.

— Ой, уже так поздно! — театрально удивилась Оля. — Нам с Лучиком уже давно пора идти. У нас ещё столько дел!

— Каких ещё дел? — спросила Мария.

Конечно, женщина не поверила в сказку про поход к бабушке. За время обеда, Мария лишь убедилась в своих подозрениях, что её гостья – бродяжка. Причём стала ею совсем недавно, судя по одежде. Но девочка, конечно же, в этом не признается.

— Знаешь что, — сказала Мария, и Оля вся напряглась, ожидая худшего. — Оставайся у нас переночевать. Уж очень твой Лучик понравился моим деткам. А завтра утречком пойдёшь к своей бабушке.

Оля молчала. Отказываться нельзя. Стоит отказаться, и тогда её сразу передадут в полицию, как бездомную. А те отправят её домой. Но и терять ещё один день в этом городе тоже не хотелось: она совершенно не продвигалась в своём путешествии.

— Ну, что скажешь?

— Да, конечно я останусь, — выдавила из себя Оля. — У вас тут так здорово.

— Только не забудь позвонить и предупредить бабушку, — небрежно напомнила Мария.

Антон и Амелия были в полном восторге: Лучик оставался у них ночевать! Это было невероятно круто! Первая идея: разместить всех гостей в детской, но Мария не позволила: во-первых, вчетвером они там не поместятся, а, во-вторых, своей вознёй вы помешаете Оле выспаться. «А ей наверняка редко удаётся выспаться», — добавила женщина.

Решено было пустить Лучика в детскую, а Оле постелить в гостиной, на огромном мягком диване. Сначала девочке не понравилось, что верный друг не рядом с ней, но заглянув в его большие влажные глаза она растаяла: Лучик аж светился от мысли, что сможет провести ночь с маленьким Антоном и подарить ему всё своё внимание.

— Пусть отведёт душу, — рассмеялась Мария.

Оля лежала на спине и смотрела на очередной незнакомый потолок. Из приоткрытого окна дул лёгкий тёплый ветерок, из-за стенки лился детский смех и приглушённый собачий лай. Тут было хорошо. Если бы не болезнь мамы, наверное, это было бы самое крутое их с Лучиком приключение. Но они теряли здесь время и из-за этого в душе росло беспокойство: они могут не успеть, их могут вернуть обратно. Всё может кончиться плохо.

Сон не шёл. Даже в гостях у Бори получилось заснуть быстрее. Наверное, из-за пережитого страха. Уже совсем стемнело, и даже за стеной стих смех: дети наконец устали и уснули, в обнимку с Лучиком. А Оля всё лежала и смотрела в потолок. Завтра с самого утра нужно как можно быстрее поблагодарить Марию за всё и отправиться дальше. И уже не тратить время попусту. Завтра во что бы то ни стало нужно покинуть этот город.

В прихожей щёлкнул замок, затем кто-то сначала открыл, а потом, стараясь действовать бесшумно, закрыл входную дверь. Затем послышались поспешные шаги по прихожей: Мария спешила встретить наконец-то вернувшегося с работы мужа.

— Привет, — еле слышно сказала она.

— Привет. Ты чего не спишь-то? Время-то уже сколько?

Мужской голос был спокойный, сильный, доброжелательный. Он говорил без злобы, а скорее с заботой и удивлением, что супруга, весь день посвятившая себя детям, не отдыхает в столь поздний час.

— А у нас гости, — объявила Мария.

Она подробно описала мужу, как встретила девочку и собаку, как они подружились с их детьми, как ей стало жалко девочку и всё остальное, что случилось за день.

— Ты всё правильно сделала, — подытожил мужской голос. — Нельзя оставлять девчонку на улице. Завтра я могу подвезти её на машине, если у неё правда есть эта мифическая бабушка. Только встать ей придётся для этого рано: мне на работу надо успеть.

— Думаю, бедняжка привыкла рано вставать.

Оля аж подпрыгнула на диване от ужаса. Подвезёт на машине! А куда подвезёт-то?! Как теперь отсюда выбраться? В рюкзаке, стоявшем возле дивана, заворочался Тузя:

— Нельзя садится к нему в машину. Он сразу же вернёт нас домой!

Сама до конца не понимая, что делает, Оля вскочила и вышла в прихожую, под яркий свет светильников. Возле красивого комода стояли Мария и её муж. Мужчина оказался невысокого роста, плотный, с крючковатым носом и усталыми добрыми глазами.

Мария стояла к девочке спиной, а вот мужчина её сразу заметил и расплылся в улыбке.

— А что это наша гостья не спит? Здравствуй.

— Здравствуйте.

— Меня зовут Григорий Борисович, приятно познакомиться. Но лучше зови меня дядя Гриша. А тебя зовут Оля, верно? Так почему ты ещё не спишь? Тебя что-то беспокоит?

— Не могу уснуть на новом месте, — честно ответила Оля.

Мария понимающе кивнула: постель для девочки наверняка оказалась слишком удобной и ей это оказалось непривычным.

— Ну, — протянул Григорий. — Раз уж ты всё равно не спишь, может, разделишь со мной ужин?

Оля кивнула. Есть ей совершенно не хотелось, но уснуть теперь она всё равно не сможет.

Все трое прошли на кухню. Мария разогрела для мужа ужин, состоящий из всего, что семья не доела во время обеда и ужина. Еда исчезала с тарелки со скоростью лесного пожара, а Оля лишь чуть отхлебнула какао из кружки и надкусила одну печеньку.

Наконец, Григорий откинулся на спинку стула и с благодарностью посмотрел на жену. Он прекрасно понимал, как ей тяжело с двумя детьми. Правда понимал. Но он искренне верил, что выбранный им путь – путь почти круглосуточной, но хорошо оплачиваемой работы – единственно верный. Затем Григорий посмотрел на Олю, уставившуюся в кружку с остывшим какао.

— У тебя есть мама с папой, Оля?

Оля посмотрела на него с искренним удивлением.

— Конечно есть! Я их очень люблю и они меня очень любят. Правда, мама сейчас болеет. Поэтому я… поэтому мне… В общем, поэтому я иду к бабушке.

Оля окончательно запуталась и замолчала. Григорий смотрел на неё с лёгким прищуром. Он не поверил девочке. Нет, он, конечно, поверил, что она любит маму и папу. Какой ребёнок не любит своих родителей? А вот насчёт остального у него были сомнения. Скорее всего, бедняжка из неблагополучной семьи. Возможно, мифическая бабушка в самом деле существует: зачастую в таких семьях есть более благоразумные родственники, готовые забрать ребёнка у нерадивых родителей, пока не стало слишком поздно. «Надо будет запомнить адрес, куда я отвезу её утром», — подумал Григорий. Чем чёрт не шутит: возможно, стоит подумать о том, чтобы удочерить несчастную девочку. Если это будет единственной возможностью спасти её. Но для начала надо будет оценить, где она живёт.

Он с облегчением вздохнул, обдумав эту мысль. Но затем в его сознании поселился крошечный червячок сомнений. Сначала Григорий даже не понял, чем именно он вызван. В какой-то момент он даже с ужасом подумал, что сомнение связано с тем, что лучше бросить бедняжку на произвол судьбы, чем обзавестись ещё одним ребёнком.

Но вскоре стало ясно, что на то есть другая причина. Григорий, само собой, жалел Олю, потому что она оказалась предоставлена сама себе, что она – никому не нужна. И он с ужасом осознал, что его родные дети – Амелия и Антон – растут такими же одинокими. Без сомнения, Григорий немного сгущал краски: всё же они росли в прекрасных условиях и с ними всегда была их мама. Мама, но не папа. Что он им скажет, когда они подрастут? Как объяснит, почему не видел первого выступления своей дочери в школьном театре? Почему не научил сына плавать? Почему превратил жену, которую когда-то носил на руках, в домработницу? Григорий никогда не рос в роскоши и никогда не считал деньги самоцелью. Но ввиду того, что когда-то давно он сам испытал нужду, то делал всё, чтобы его дети не испытали того же. И в один прекрасный момент этот страх затмил собой всё остальное. В какой-то момент он забыл, для чего это всё. Забыл самое главное. Забыл, ради чего все мы здесь, в этом мире.

Он по-новому взглянул на юную гостью. Скорее даже не на неё, а на окружающий его мир.

— Пожалуй, пора спать, — пробормотал Григорий. — Мне вставать уже через пару часов. И ты тоже постарайся хоть немножко отдохнуть.

— Хорошо, — вздохнула Оля.

Всё её сознание занимала ровно одна мысль: нужно во что бы то ни стало придумать причину, чтобы не садиться в машину к дяде Грише.

9. Новый путь.

За те пару часов, что оставались до рассвета, Оле всё-таки удалось придумать весомую, как ей казалось, причину не ехать никуда на машине.

Только-только по-настоящему забрезжил рассвет, как в прихожей стали ходить и переговариваться тихим шёпотом. Оля мгновенно оделась в свежепостиранную одежду, оставленную Марией накануне возле дивана, подхватила рюкзак и поспешила в прихожую.

Григорий уже стоял возле входной двери, держа в руке ключи. Мария же поманила Олю и тихонько приоткрыла дверь в детскую.

Лучик мгновенно поднял голову и, увидев маленькую хозяйку, прокрался из детской так, чтобы не разбудить детей. Амелия спала, раскинувшись на своей смятой постели, Антон же спал прямо на игрушках, обняв плюшевую собаку, поразительно похожую на Лучика.

— Жаль, что вам не удалось попрощаться, — прошептала Мария.

— Ничего, пусть спят. Наверняка играли с Лучиком пол ночи, — улыбнулась Оля.

Уже возле самой двери, Мария вручила ей пакетик с пирожками и маленькую подкову искусной работы, всю в витиеватых узорах. Сувенир был прохладный на ощупь и чуть оттягивал ладонь.

— Это тебе на удачу. Береги себя.

Оля убрала подкову и еду в рюкзак, затем обняла добрую женщину. От неё пахло хлебом и лавандой. Мария вскинула на мужа полные слёз глаза. Григорий хмуро посмотрел на супругу и ответил взглядом: если девочке там, куда я её отвезу, будет плохо, то мы обязательно заберём её к себе. Мы же говорили об этом до самого утра.

Входная дверь осталась позади и они стали спускаться по лестнице. Шаги отдавались гулким эхом, отскакивая от стен подъезда. Григорий задумчиво крутил в руке ключи. Наконец, Оля собралась с духом. Пора.

— Знаете, — робко начала она, — А ведь нам совсем необязательно ехать на машине.

— Это ещё почему?

— А я тут живу совсем рядом. Я запросто сама дойду. Тем более сейчас уже совсем светло.

Оля улыбнулась, довольная придуманной ею легендой.

— А мне потом к дому за машиной возвращаться? — усмехнулся Григорий. — Давай уж довезу. Колёса круглые – что им будет? Крутятся себе да крутятся. Светло-то сейчас, конечно, светло, но очень рано. Всяких чудиков на улице можно встретить под утро.

Он толкнул железную дверь и в лицо им ударил прохладный утренний воздух, полный приятной влаги. Лучик тут же стремглав бросился к ближайшему кустику, деликатно дожидаясь возможности «выйти» с середины ночи. Григорий нажал кнопку на брелоке и большой чёрный внедорожник на стоянке приветливо мигнул фарами.

— А я не знаю как туда на машине проехать, — выпалила Оля. — Только знаю, как пешком дойти.

— Ничего страшного, — пожал плечами Григорий, продолжая идти к машине. — Сейчас вобьём адрес в навигатор и он нам с тобой без проблем дорогу покажет. Знаешь, это в моё время…

— А я точного адреса не знаю! — голос девочки стал надламываться от подступающих слёз отчаяния.

Григорий нахмурился. Девочка явно не хочет показывать ему свой дом и у неё наверняка есть на то причины. Её там обижают? Бьют? Или у неё вообще нет никакого дома и весь её быт – это рюкзак за спиной? А этот пёс-баламут – единственная семья? Возможно, лучше сразу отвести девочку в полицию и во всём разобраться.

Они стояли возле машины, Лучик вернулся и коснулся пушистым боком хозяйки, чувствуя её беспокойство. Григорий колебался, нервно бренча ключами. Оля чувствовала его сомнения и понимала, что сейчас решается не только её судьба, но и судьба мамы. При мысли о маме глаза мгновенно наполнились слезами и она всхлипнула, готовая разрыдаться.

— Ну пожалуйста! Ну не надо ехать на машине! Не надо! Пойдёмте пешко-о-о-о-м! Ну пожа-а-а-а-луйста!

Григорий растерялся. Не то, чтобы его можно было обмануть детскими слезами. Как отец двоих детей, пусть и уделяющий им мало времени, он видел немало плача по самым разным поводам. Но сейчас это выбило из колеи: слёзы были искренними, настоящими. Григорию вспомнилась его маленькая Амелия, которая точно так же плакала на этом самом месте, стоя возле этой же самой машины. Тогда у девочки страшно разболелся зуб, папа тогда жутко переживал. Так, что из трясущихся рук постоянно выпадали ключи от машины. А бедной маленькой дочери было жутко страшно ехать к доктору, который сделает ещё больнее, чем теперь. И уж пусть зубик болит так, как сейчас, она уже его почти не чувствует.

И Григорий сдался. Не потому, что так было правильно. А потому, что этого хотело маленькое сердечко ни в чём не виноватой девочки. И если она хочет идти пешком, значит, так тому и быть. И если там, куда он приведёт Олю, её хоть кто-нибудь обидит, хоть кто-нибудь пальцем её тронет, хоть посмотрит на неё косо, то они точно об этом пожалеют! И будут жалеть до конца своих дней.

— Ладно, — вздохнул Григорий. — Будь по-твоему. Показывай дорогу.

— Э… Туда! — просияла Оля, а Лучик восторженно махнул хвостом.

Оля махнула в первую попавшуюся сторону. Сторона, как оказалось, вела на широкую улицу, пустую в столь ранний час. На газонах блестела роса. Было так приятно идти по пустому городу, солнце только-только начало подсвечивать верх зданий ярко-оранжевым светом, точно покрывая их золотом. Остальная же часть тонула в ночном мраке, словно она принадлежала другому миру – молчаливому, серому, мёртвому. Но эта мёртвая чернота уступала, растворялась в золоте солнечных лучей, дарящих миру краски и жизнь. Влажный асфальт тянулся в даль, ещё не успев напитаться пылью и будущим полуденным зноем. Вокруг не было ни души, не смотря на то, что шли они не скромными двориками. Пустые витрины магазинов тоже тонули во мраке, и Оле приятно было представлять, как совсем скоро они оживут; наполняться голосами и смехом покупателей. Наполняться жизнью.

— Как хорошо, — Григорий вдохнул воздух полной грудью. — Я уже и не помню, когда последний раз гулял пешком в такое время. Так беззаботно! Так легко.

Он вновь с шумом вдохнул воздух и с удовольствием огляделся по сторонам. Мир вокруг был тих и прекрасен. В нём не было места отчётам, горящим срокам и бегу по кругу обязанностей. Здесь были только тишина и смысл. Смысл был очень большой. Он был настолько необъятный, что описать его едва ли получится. Но Григорий чувствовал, что он есть. Не в пыльных кабинетах, не в ворохе материального барахла, а здесь. Под золотыми лучами утреннего солнца.

Единственное, о чём он жалел прямо сейчас, так это о том, что рядом нет его детей и жены. Что они не видят этого великолепия и не могут разделить его с ним. «А может, к черту это всё?» — мелькнула мысль. Послать всех сегодня куда подальше, взять выходной в конце концов и провести день с семьёй. Съездить на пикник. Нет, не надо никуда ехать. Лучше сходить.

За своими размышлениями Григорий вырвался чуть вперёд, а Оля уныло плелась позади, не зная, что делать дальше. Скоро дядя Гриша поймёт, что идут они совершенно в никуда и тогда придётся объясняться.

Что-то холодное и влажное ткнулось ей в ладонь. Это Лучик тыкался в неё носом, настойчиво привлекая к себе внимание. Пёс мотнул головой в сторону небольшого проулка: арки,

пронизывающий здание, мимо которого они шли, насквозь. За аркой угадывался то ли небольшой парк, то ли двор с весьма пышной растительностью. Лучик сделал шаг в ту сторону, оглянулся на хозяйку и решительно вильнул хвостом.

Оля мельком взглянула в спину дяди Гриши. Тот шёл, весь погружённый в тяжёлые, так внезапно на него нахлынувшие, думы.

— Прости, дядя Гриша, — прошептала Оля и свернула в арку, стараясь ступать как можно тише.

Когда арка осталась позади и они вошли под сень деревьев, то Оля побежала. Она бежала, не разбирая дороги и совершенно не заботясь куда она, собственно, бежит. Главное быть подальше от доброго дяди Гриши. Ей было ужасно стыдно. Стыдно и горько от того, как она поступила с приютившими её людьми. «Это ради мамы», — повторяла она про себя, как мантру. Потом, когда всё станет обратно хорошо, Оля обязательно вернётся сюда и извинится. И всё объяснит.

Мимо мелькали дома, деревья, кустарники, детские площадки, машины. Мир, уже залитый солнечным светом, смазывался в одну нечёткую картину. Дыхание сбилось, они оба устали и выдохлись. Наконец, Оля решила, что они уже достаточно далеко и можно остановиться перевести дух.

Незаметно для них, наступило полноценное утро. Даже здесь, в очередном дворе очередной пятиэтажки, чувствовалось оживление города: неподалёку шумели машины, лениво переговаривались прохожие, где-то шумела строительная техника и нелитературно выражались невидимые отсюда рабочие.

Оля устало опустилась на скамейку с облезшей краской и с наслаждением попила из припасённой бутылки с водой. Лучик щёлкнул челюстью, напоминая о себе и девочка с готовностью напоила друга.

— Теперь нужно решить, что делать дальше, — сообщила она ему.

Было принято решение придерживаться ранее намеченного плана: добраться до восточной окраины города и поймать попутку, двигающуюся туда же – на восток, в Сибирь. Понятно, что если девочка попросит отвезти её, например, в Пермь или в Екатеринбург, то это вызовет массу вопросов и подозрений. Поэтому нужно выбирать пункт назначения правдоподобнее. То есть, поближе. Какой-нибудь Тихвин или Бокситогорск. А уж добравшись туда, выбирать новые маршруты. И новые машины.

Как следует изучив карту и постаравшись запомнить названия, Оля с удовлетворением кивнула и убрала бумагу обратно в рюкзак. Теперь, когда у неё был чётко сформулированный план, растерянность ушла, а ей на смену пришла уверенность. Просто нужно следовать плану, пункт за пунктом, и тогда они с Лучиком обречены на успех.

Время уже близилось к полудню. Пятиэтажные дома уступили место частным домикам, скрывающимся среди пышной зелени. Дома эти были весьма контрастными: среди новомодных построек с панорамными крышами и даже с солнечными батареями на крышах, попадались старинные избы постройки начала прошлого века из потемневшего дерева и с крошечными окошками с рассохшимися ставнями.

На пути стали попадаться небольшие промышленные предприятия, выросшие из бывших гаражных кооперативов и заброшенных построек прошлого. Следом потянулись промышленные базы, оптовые магазины с яркими вывесками и пустыми парковками.

Оля так и шла вдоль шоссе, в которое превратилась улица, по правой его стороне и косилась на поток автомобилей. Она никогда не ловила попутку. Знала, как это делается: нужно протянуть руку и поднять палец вверх. Но сама она никогда такого не делала. И впервые пожалела, что с ней Лучик: не каждый водитель согласится везти собаку.

Но больше беспокоило другое, конечно. Любой, кто остановится, может начать интересоваться, почему маленькая девочка путешествует одна (не считая собаки) и, тем более, пере-

двигается на попутке. И что тогда? Вдруг на очередной вопрос не найдётся, что ответить? Что тогда будет? Тогда её отвезут домой, вот что будет. И мама умрёт с первым листопадом.

Оля покосилась на чащу справа от дороги. С тех пор, как город остался позади, её не покидало ощущение, что за ней кто-то пристально наблюдает. Вот оттуда, прямо из-за деревьев. Смотрели на Олю пристально, можно сказать, оценивающе. Без злобы. Почему-то девочка была уверена, что за ней наблюдают больше из любопытства.

Мимо неё проехал, обдав потоком воздуха, многотонный грузовик. Оля аж пошатнулась и схватилась за загривок непоколебимого Лучика. Дальше дорога делала поворот, но грузовик, не доезжая до него, затормозил и остановился на обочине, подняв столб удушливой дорожной пыли.

Оля так и осталась стоять, перепуганная и не отпуская Лучика. Верный четвероногий друг постарался выдвинуться вперёд, закрывая собой хозяйку. Грузовик так и стоял, пшикнув пневматическими тормозами. Вскоре пыль стала оседать и из её клубов вышел водитель грузовика: коренастый, можно сказать, квадратный низкий мужчина с седыми короткими волосами. Двигался он чуть в развалку, как бывает ходят моряки. На груди, зацепленные за синюю футболку, висели аккуратные маленькие очки. Мужчина, прищурившись, посмотрел на девочку, затем широко улыбнулся.

За спиной, в рюкзаке, зашевелились.

— Не бойся, — прогудел Тузя из своего убежища. — Тут бояться нечего.

— Здравствуйте, — наконец, сказала Оля.

— Здравствуйте, — весело ответил водитель, подойдя ближе. Голос у него оказался скрипучим, как если бы дерево вдруг решило заговорить. — Тебя как звать-то?

— Оля.

— А твоего верного друга?

Мужчина кивнул на Лучика, неуверенно махнувшего хвостом. Пёс не чувствовал никакой угрозы в этом человеке.

— Лучик.

— А меня дядя Ваня зовут. Будем знакомы. Вы куда путь держите? А то уже порядком от города отошли. За грибами вроде рано ещё. За ягодами – тоже.

— Я как бабушке еду, — ответила Оля.

Она решила придерживаться чуть улучшенной легенды про родственницу: что едет к бабушке на каникулы, но деньги и билет у неё украли на вокзале. И теперь она вынуждена путешествовать автостопом.

Дядя Ваня еле заметно прищурился. Едва ли найдётся хоть кто-то, кроме такого же ребёнка, кто поверит в сию историю. Девочка запросто могла связаться по телефону с родными, верно? Или элементарно сказать сотрудникам вокзала или ближайшему полицейскому о своей беде. И девочке бы обязательно помогли. Но дядя Ваня слишком давно живёт на этом Свете, чтобы понимать: раз девочка не хочет говорить об этом, раз она предпочитает молчать о том, куда едет, значит, у неё есть на то причины. И кто он такой, чтобы расспрашивать её? Только стоит при случае объяснить ей, чем может закончиться голосование на дороге, если попадутся «не те люди».

— Садитесь, — дядя Ваня кивнул на свой грузовик. — Кабина у меня большая, места всем хватит. Только чур сразу скажешь, куда вас надо отвезти.

— В Пермь! — выпалила Оля.

Дядя Ваня расхохотался громким, заразительным смехом, сотрясаясь всем телом.

— Ха-ха-ха! Далеко же забралась твоя бабушка! Ладно, садитесь. Пока мне примерно в ту сторону, а когда сдам груз, поглядим, как будет лучше добраться.

Оля с опаской подошла к огромной кабине, размером больше напоминающей небольшой дом. Дядя Ваня открыл дверцу, подхватил девочку подмышки и без труда посадил внутрь. Руки у водителя были крепкие и все в твёрдых мозолях.

— Ну? — дядя Ваня повернулся к Лучику. — Тебя тоже подсадить?

Тот поставил передние лапы на подножку и вытянул шею, как будто это могло помочь ему забраться. Иван вновь расхохотался и закинул Лучика внутрь.

Кабина действительно оказалась очень просторная и напомнила размерами Оле её комнату. Наверно именно так выглядит штаб мальчишек на каком-нибудь дереве или их секретный шалаш на берегу речки. Здесь пахло кофе, табаком и, едва различимо, машинным маслом. На широких, как кресла, сиденьях покоились небольшие красивые накидки, над лобовым стеклом висели неизвестные Оле разноцветные флажки. «Наверное, это флаги тех стран, куда он ездил», — подумала Оля. Девочка уселась на место пассажира и чувствовала себя, словно сидит на диване: сюда запросто можно было усадить ещё двух детей. Между сиденьями стояла внушительных размеров термокружка, а на торпеде грузовика красовалась маленькая фигурка собачки, качающей головой в такт движения транспорта. Работало радио: какая-то песня о романтике дорог. От надрывного мужского голоса, льющегося из динамиков, хотелось как можно быстрее запрыгнуть в машину и ехать, наслаждаясь простором, серпантином дороги и ощущением полной свободы, знакомое только ветру.

Сзади места оказалось даже больше. Через небрежно прикрытую занавесь, получалось рассмотреть обстановку: уютная постель, телевизор над ней, небольшой холодильник в углу. Над кроватью висела лампа, сейчас выключенная, а в изголовье лежала книга. Ещё в стене виднелась широкая ниша, сплошь заставленная безделушками. По всему чувствовалось, что для водителя эта кабина – родной дом. Каждая деталь здесь, каждая вещь занимала строго своё место, даже если место это было, возможно, не самое аккуратное, но зато здесь всё располагалось под рукой.

Кабина эта была целым миром, катящемся через бесконечную вереницу дорог, храбро встречающим непогоду, ночь, день, стужу, жару и многое другое. А безраздельным правителем этого мира был коренастый дядя Ваня, так легко согласившийся подвезти девочку и большого пса.

Владелец сих пенатов проворно запрыгнул на водительское сиденье, захлопнул дверцу, довольно крякнул, завёл двигатель и грузовик еле заметно затрясся. Оля даже тихонько ойкнула. Затем Иван придирчиво посмотрел в зеркало заднего вида, пропуская поток машин, наконец нажал педаль газа и грузовик стал плавно набирать скорость, вырулив обратно на дорогу.

— Ну что, — весело сказал дядя Ваня, подмигнув Оле, обнимавшей рюкзак. — В путь?

— В путь, — уверенно кивнула девочка, а Лучик гавкнул откуда-то сзади.

Дядя Ваня мгновенно расхохотался всё тем же заразительным, звонким смехом и Оля невольно улыбнулась. От водителя исходило некое тепло, от него шло непоколебимое чувство безопасности: в этой кабине, в этом мире, никто не может быть обижен и каждый найдёт защиту от злобы, таящейся за пределами грузовика.

10. Бесконечность пути.

Оля чувствовала себя совсем крошечной в огромном пассажирском кресле. Вообще, вся кабина была какая-то огромная, словно девочка стала совсем маленькой и её посадили в игрушечный грузовик. Как Алиса в Стране Чудес. Оля из-за этого с трудом верила в правдивость происходящего.

За лобовым стеклом, больше напоминавшем размерами витрину магазина, бежала ровная дорога и ныряла куда-то под колёса. Радио играло негромко и было отчётливо слышно мерное урчание двигателя, почему-то действующее умиротворяюще. Их обгоняли легковушки, отсюда они выглядели, как игрушки, навстречу неслись другие машины, иногда с рёвом проносились большие грузовики и автобусы. Всё за стеклом ощущалось чем-то совсем небольшим, неважным по сравнению с их многотонной махиной. Поначалу было непривычно, что кресло ходит ходуном на поворотах или неровностях дороги, но потом это стало даже забавлять: словно сидишь на каком-нибудь аттракционе.

Дядя Ваня косился на девочку, с интересом вертящую головой. Конечно, он чувствовал беспокойство за неё. А кто бы не чувствовал? Одна, посреди трассы, при этом неплохо одета и точно не выглядит голодной. Что-то точно случилось, но сейчас расспрашивать её об этом не стоит. Она испугается расспросов и только больше замкнётся в себе. У каждого есть свои причины не говорить всей правды, особенно незнакомцам. Уж дядя Ваня насмотрелся такого на Дороге. И в этом есть огромная тоска: люди перестали доверять друг другу. Любой незнакомый человек воспринимается, прежде всего, как угроза. Каждый боится, что его откровениями могут воспользоваться: используют против тебя то, что ты доверил им. Если в детстве ещё есть доверие к другим, то, по мере того, как нам встречаются люди омерзительные, люди, не ценящие правду, в нас остаётся всё меньше хорошего. И в какой-то момент мы забываем, что однажды были светлоликими, улыбающимися детьми, верящими в свет, верящими в бескорыстное добро. Мы становимся отвратительными циниками и единственное, что нас беспокоит – это наш собственные комфорт и выгода.

Иван хмыкнул, привлекая к себе внимание. Девочка повернула голову и с любопытством взглянула на него.

— Вообще, если прям по-важному, меня зовут Иван. Иван Александрович. Но в высоких кабинетах я никогда не сидел и потому меня так никто никогда не называл. Все зовут дядей Ваней. Не только такие маленькие девочки, как ты.

— А что за высокие кабинеты? — полюбопытствовала Оля.

— Гм… — на мгновение Иван Александрович нахмурил брови. — Как тебе сказать? В общем, это такие кабинеты, которые так высоко и далеко, что когда в них сидишь, тебе ничего не слышно и не видно из того, что происходит вокруг. Зато там красиво у них.

— У кого – «у них»? — не унималась девочка.

Дядя Ваня страдальчески сморщил лоб, понимая, в какую ловушку он себя загнал. Оля, как девочка тактичная, заметила страдания пожилого собеседника и поспешно завертела головой, осматривая вновь кабину.

— Круто тут у вас. Уютно.

Дядя Ваня с облегчением расхохотался.

— Спасибо! Знаешь ли, я провожу в дороге целые дни напролёт, вот поэтому и сделал себе тут уют. Здесь у меня почти отдельная квартира. Холодильник есть, микроволновка, чайничек. Могу мультики тебе на телевизоре включить. Кстати, ты наверное есть хочешь? — спохватился дядя Ваня и с испугом поглядел на девочку.

Та отрицательно замотала головой. И дядя Ваня заметно расслабился.

— Тогда ладно. Но, когда проголодаешься – сразу говори. А то нам ещё пилить и пилить.

В подтверждение своих слов, он кивнул вперёд. По левую сторону, за окном, тянулось бесконечное поле с остовами чёрных мёртвых деревьев: когда-то здесь бушевал пожар. По правую, к самой дороге, жалась небольшая деревенька. Первые дома стояли как будто на расстоянии от остальных, они почернели от времени, а дворы заросли бурьяном. Оля с любопытством рассматривала давно заброшенные постройки: когда-то здесь жили, смеялись, строили планы. Кто-то, давным-давно, сложил из толстых, новеньких, пахнущих смолой брёвен эту избу, чтобы прожить в ней всю жизнь, полную радостей, горя и надежды. А теперь это лишь заросший травой памятник чьей-то жизни, давно покинутый, рассохшийся и не имеющий никаких шансов вернуть себе своё былое предназначение. И совсем скоро уже никто и не вспомнит, кто тут жил и что сделал за время своего пребывания в мире.

Чуть дальше по дороге стояли дома обжитые, некоторые были окрашены в такие яркие цвета, что напоминали игрушки. Один домик так усел в землю, что вообще больше походил на домик каких-нибудь гномиков, а не взрослых людей. Между домами раскинулись небольшие подстриженные газоны и ровные квадратики огородов. Позади деревни угадывалось большое картофельное поле, а почти на самом горизонте виднелись белые коровники, амбары и силосная башня.

На обочине стояли и сидели люди, преимущественно старушки. Перед собой они поставили столики, на которых красовались пучки свежей зелени, первые лесные ягоды и поздняя клубника. Попадались сливы. Старушки сбивались в стайки, садись друг против друга и непринуждённо беседовали, лишь изредка посматривая в сторону автомобиля, по какой-то причине сбавлявшего скорость возле их лотков.

Как только деревня осталась позади и ей на смену пришли чахлые кустарники, Оля отлипла от окна.

— А вы не скучаете по дому?

Дядя Ваня взглянул на неё, как показалось Оле, несколько удивлённо.

— Ну, — попыталась выразиться точнее Оля. — Вы сказали, что этот грузовик для вас – как дом родной. Я и подумала: а вы не скучаете по дому? По вашей семье?

Водитель улыбнулся.

— Случается, конечно, и заскучать. Да и тяжело уже бывает баранку-то по восемнадцать часов крутить, мне уже шестой десяток всё-таки. Ну, а что поделаешь? Куда меня ещё, старика, работать возьмут? А без дела я не могу сидеть. Волком взвою через неделю отдыха, такое я уже пробовал. Не по мне это.

— А вам ещё семью кормить, — понимающе кивнула Оля.

Она часто слышала это выражение от взрослых. Она его не очень понимала, потому что была уверена, что кормить надо совсем только маленьких, ведь остальные могут есть сами: зачем же их кормить-то?

— Да не то, чтобы прям кормить, — пожал квадратными плечами дядя Ваня. — Жену если только, ха-ха-ха! Но она у меня девушка самостоятельная, да и весьма бойкая, так что не пропадёт. Скучать ей там без меня не приходится: у нас дома четверо котов и собака.

Сзади гавкнул Лучик, напоминая о себе.

— Конечно, не такая большая, как ты, приятель, но с ней всё равно надо гулять, её надо мыть и всё такое прочее. Дети у нас уже взрослые, самостоятельные, так что их кормить точно не надо.

Оля довольно кивнула, найдя подтверждение своей догадки, что проблема кормёжки семьи сильно преувеличивается взрослыми: кормить правда приходится лишь маленьких, неспособных кушать самостоятельно.

— А мне бабушка говорила, что дети должны помогать родителям, когда вырастут.

Дядя Ваня поморщился.

— Ну уж мне точно помогать не надо. У моих детей своих забот хватает, чтобы ещё со мной нянчится. Да и я ещё вроде как помирать не собираюсь, чтоб за мной с уткой приходилось бегать. Двое сыновей у меня. Мальчишки. Один – мой, другого мы из детдома взяли. Ой намучились мы с женой с ним! Он же, пока в детдоме жил, ласки и доброты вообще не знал. Он поначалу всего боялся, не подпускал к себе никого. Еду прятал. Боялся, что мы отберём или украдём. Долго думал, что мы его обратно вернём, как только пособие за него получим. Потому что такой опыт у него в жизни тоже был. Но ничего, справились. Сейчас стал степенным дядечкой, жена есть, трое детей. Так что я могу смело сказать, что справился с задачей.

Дядя Ваня блаженно вздохнул и без надобности взял руль двумя руками и чуть покрутил его вправо-влево. Он действительно был доволен и своей нынешней жизнью, и своей судьбой. С самого детства он мог рассчитывать только на себя. Жизнь закалила его, научила держать любой удар, а если на ногах, после очередного удара, устоять не получалось, научила вставать, утирать кровь и двигаться дальше вперёд, наперекор всему.

Почти половину жизни дядя Ваня провёл в армии, участвуя во всевозможных военных конфликтах по всему земному шару. Благодаря прямоте и твёрдому характеру, он всегда был на хорошем счету у сослуживцев и на плохом – у начальства. Поэтому удачную военную карьеру ему выстроить не удалось. Но зато Иван Александрович никогда не изменял своей совести, чем всегда очень гордился. Регалии, медали, звёздочки на погонах – всё это не имело для него особого значения.

Как человек, рано понявший, что такое смерть и так часто видевший её на поле боя, Иван Александрович быстро понял, что всё то материальное, что он сможет накопить за свою жизнь, всё это барахло – не имеет никакого значения. Сколько бы ни заработал, сколько бы не скопил, ничего из этого не получится взять с собой на тот Свет. Всё останется по эту сторону бесполезной кучей хлама, однажды окончательно превратившейся в прах и дым.

И потому наш герой посвятил себя единственному, что имеет значение в этом мире: семье, окружающим людям и собственному счастью. И, разумеется, именно в таком порядке. Впрочем, само собой разумеется, что счастье отдельно взятого человека невозможно, если вокруг несчастливы его близкие и вообще его окружение. Если этот человек психически здоров, разумеется. И потому, дядя Ваня старался помогать окружающим его людям, хотя бы улыбкой, а, если получится, то и делами, чтобы сделать наш мир чуть лучше, а себя – чуть счастливее.

Так вот, Иван Александрович почти всю свою жизнь считал себя счастливым человеком. Счастье вообще вещь эфемерная, не поддающаяся измерению, численному исчислению или же, упаси бог, сравнению величин собственного счастья с величинами счастья других людей.

Часто можно услышать, что смыслов жизни существует великое множество и как будто бы у каждого человека он свой. Но, по мнению Ивана Александровича, это была неправда. Смысл человеческого существования (за исключением продолжения рода человеческого, само собой) ровно один – это счастье. Удовлетворённость собственной жизнью. А вот понятие счастья уже у каждого человека своё. У кого-то это кусок хлеба и глоток чистой воды, у другого – золотой унитаз и внушительный счёт в банке. А третий не может уснуть без ощущения всемирной славы. В этом и состоит главная путаница нашего мира: такое разное понимание счастья люди и принимают за смыслы своего существования. Но это заблуждение. Смысл ровно один – прожить жизнь счастливо. А уж что такое счастье – каждый для себя решает сам, исходя из положения своего внутреннего морального компаса, предпочтений и совести.

Иван Александрович быстро понял, что такое счастье не эфемерное, а живое, тёплое, как солнечный свет и потому был полностью доволен своей жизнью. Если он кого и обманывал, то лишь потому, что сам мог быть введён в заблуждение некими обстоятельствами или внешними факторами. В остальном, он всегда поступал по человеческой совести, воинской чести. Посему

он был счастлив, зная, что поступает верно. И люди вокруг него были счастливы, чувствуя этот тёплый свет его души, не запятнанный ни алчностью, ни корыстью, ни тщеславием.

Теперь, на склоне лет, когда здоровье стало подводить, он уволился из армии, но сидеть без дела не смог, несмотря на начавшиеся проблемы со здоровьем. Ему нравилось смотреть на новые города, общаться с новыми людьми, просто ехать по бесконечной дороге по этому бесконечному пути, неспеша вспоминая свою долгую и такую насыщенную жизнь.

Он всё говорил и говорил, обрадовавшись случайному слушателю. Оля с интересом слушала бесконечные рассказы, представляя в голове приключения дяди Вани или видя под своими прикрытыми веками его толстых котов, которые, судя по весу, кормятся ещё в каких-то домах, причём домов таких должно быть не менее трёх на каждого из них. Про его жену, готовящую лучшие в мире пироги. И пироги эти обожают не только дядя Ваня и сыновья, но и вышеупомянутые коты.

Оля стала клевать носом. Всё-таки для маленькой девочки такое число впечатлений на каждый день было слишком большим, детская психика, бывало, не выдерживала и требовала отдыха посреди дня, чтобы успеть восстановиться. И кабина грузовика подходила для этого лучше всего того, что попадалось за последние дни: мерное урчание двигателя, покачивание кабины и едва слышная музыка. Это место выглядело самым безопасным на планете.

Иван покосился на задремавшую девочку. Малышка вымотана, выжата, как лимон. В её жизни происходит что-то очень плохое. «Возможно, бежит из дома», — мелькнуло у него в голове. На мгновение вспыхнула мысль, что теперь его могут обвинить в похищении. Но мысль эта вспыхнула и тут же погасла, как гаснет вспышка выстрела. Иван Александрович был не из тех, кто может бросить ребёнка в беде, опасаясь за собственное благополучие. Он сам удивился, что такая мысль вообще нашла себе место в его голове.

«Пусть спит, — подумал дядя Ваня. — Не хочет рассказывать куда едет на самом деле, пусть не рассказывает. Буду везти её столько, сколько потребуется. А там, глядишь, начнёт мне доверять и расскажет правду: куда на самом деле едет».

11. Доброта внутри.

Грузовик подбросило на очередной яме особенно сильно и Оля проснулась. Она всё ещё находилась в кабине грузовика, только здесь стало значительно темнее. Бесконечное небо снаружи, с кучками тёмных облаков, чуть подсвечивалось оранжево-золотым светом на западе: был поздний вечер.

Лучик мгновенно почуял, что хозяйка проснулась и тут же бросился к ней, облизав лицо, а дядя Ваня расхохотался.

— Он, бедный, уже извёлся весь. Час вокруг тебя крутился. Писять хочет. Но я ему почестному сказал: дождёмся, пока хозяйка проснётся, тогда и сходим.

Оля обнимала друга и чесала его золотую шерсть, ещё не до конца проснувшись.

— Да, ему правда выйти пора. Мы же сможем остановиться на минуточку?

Дядя Ваня с готовностью кивнул.

— И на минуточку, и на две минуточку. Сейчас, через пару километров будет стоянка, там и заночуем, и дела все свои сделаем. Мне-то что, я всю ночь могу ехать, но тебе с непривычки будет тяжело, так что лучше переночуем с комфортом. С хоть каким-то комфортом, — добавил он, подумав.

Оля спохватилась, что может задерживать дядю Ваню такими вынужденными остановками.

— Так я уже выспалась! И совсем не устала. Мы можем ехать сколько нужно, только на минуточку остановимся, Лучик свои сделает и всё, можем ехать.

Дядя Ваня улыбнулся доброй, отеческой улыбкой.

— Я никуда не спешу, не переживай. Мог бы ехать всю ночь, это да, но это не значит, что откажусь от отдыха и возможности поболтать с кем-нибудь.

Дядя Ваня крутанул руль вправо и многотонный грузовик свернул на неприметную дорогу, спрятавшуюся среди разросшихся кустарников. Небо продолжало затягивать тучами, становилось уже по-настоящему темно. Кабину стало нещадно трясти на неровностях разбитой вдребезги дороги.

Впереди, где-то за чахлыми деревцами, брезжил свет. Сначала неровный и далёкий, как ореол огней города, к которому вы подъезжаете из тьмы холодной трассы, с каждой минутой он был виден всё отчётливее, набирал силу и яркость.

Кабину трясло так, что лёгкую Олю аж подбрасывало в воздух. Очередные кусты остались позади и грузовик выехал на ярко освещённую большую стоянку, забитую такими же многотонными машинами, как и машина дяди Вани. Собственно, свет их фар – единственное здесь освещение, за исключением нескольких небольших костерков, выглядевших весьма блеклыми рядом с мощными лампами. Вокруг пламени стояли компании тёмных фигур, они двигались, размахивали руками и то и дело отлучались к столам, расставленным неподалёку. Чуть поодаль, тоже облепленные чёрными силуэтами, виднелось несколько покосившихся мангалов, пышущих алым жаром углей. Стоянка эта была импровизированной и когда-то имела совсем иное предназначение, и не было местом отдыха и общения дальнобойщиков: позади грузовиков,в темноте, поросшие лесом, угадывались остовы давно покинутых сооружений, кои когда-то представляли из себя некое бывшее промышленное предприятие или же давно покинутую воинскую часть. Теперь это удастся выяснить лишь с большим трудом.

Их грузовик, наконец, выехал на старинный растрескавшийся асфальт, описал величественный полукруг и мягко остановился среди других пучеглазых махин. Некоторые тёмные фигуры заметили вновь прибывших, они выходили в круг света и приветственно махали руками.

Оля осторожно вытягивала шею и рассматривала незнакомцев. Вид у них был недружелюбный и пугающий. Плохо одетые, с выщербленными зубами, плешивые, лысые, курящие, рябые. Женщины с растрёпанными, давно не чёсанными волосами. Многие покачивались, словно стояли на палубе корабля и хватались за товарищей, чтобы не упасть. Именно такими показывают бандитов в кино. Дядя Ваня проследил за взглядом своей юной спутницы.

— Ты, Оленька, не переживай. Они, может быть, и не очень хорошо выглядят, а многие из них, ещё и не очень хорошо пахнут, но это хорошие люди. Правда. Не суди только по внешнему виду, девочка, никогда так не делай. Просто у них, у многих, жизнь очень непростая. А это быстро старит человека, поверь мне.

Он сделал небольшую паузу.

— Идём. Покушаем и послушаем много смешного. И Лучика выгуляем.

Лучик с готовность гавкнул.

Дядя Ваня первым выбрался наружу. Как только он открыл дверцу, в кабину ворвался гул голосов, далёкой музыки и запах дыма вперемешку с запахом шашлыка и машинного масла. Через мгновение Иван, приветственно махая во все стороны руками, уже обошёл кабину и помог Оле выбраться наружу.

Девочка держалась поближе к могучему дяде Ваня и лишь украдкой смотрела на окружающих, не зная, чего от них ждать. Эти самые окружающие сначала даже на мгновение стихли, увидев маленькую Олю. Видеть на этой стоянке детей всем было, мягко говоря, непривычно. Но длилось смятение лишь мгновение. Уже в следующую секунду они опомнились и стали наперебой здороваться, спрашивать о наличии голода, всё ли хорошо и, разумеется, как зовут эту милую собачку.

Милая собачка, он же Лучик, чуть ли не впервые в жизни оказался не рад всеобщему вниманию и всё озирался в поисках кустиков. Наконец, увидев просвет среди людей, он стремглав бросился в него, к темнеющей полосе деревьев. Все свои дела надо сделать максимально быстро и вернуться к хозяйке, окружённой столькими странно пахнущими незнакомцами.

Но Оля, вопреки опасениям верного друга, с каждой минутой чувствовала себя всё увереннее. Дядю Ваню здесь знали абсолютно все. С ним здоровались, спрашивались о делах и вообще, всё ли хорошо, может, чем помочь нужно? Последний вопрос задавали, недвусмысленно косясь на девочку. Эти люди – прожжённые дальнобойщики, повидавшие всякое на своё веку – нисколько не удивились, увидав рядом с добрым дядей Ваней девчонку. Детей оставляли на обочине и уезжали, бросали, продавали. Дети, бывало, оставались предоставлены сами себе после большого несчастья. Поэтому то, что девочка оказалась на попечении дяди Вани – дело вполне возможное. И даже, к большому ужасу, совершенно обыденное в нашем мире.

Обитатели стоянки наперебой предлагали ей покушать, откуда-то даже откопали маршмеллоу и теперь искали прутик для жарки оного на костре. Друг на друга шикали, если кто-то, забывшись, позволял себе выругаться при ребёнке. Особенно сердобольные попытались взять у девочки тяжёлый рюкзак, но Оля испуганно отказалась, а дядя Ваня, поняв это так, что рюкзак и вещи в нём – единственное, что есть ценного в жизни этой девочки, грозно шикнул на них и об этой идее тут же забыли.

Наконец, они уселись за стол. Справа сидел, больше похожий на скалу, дядя Ваня; слева – молодая женщина с застенчивой улыбкой. Она всё заглядывала Оле в глаза, силясь понять, не беспокоит ли её что-нибудь и каждый раз улыбалась, поймав взгляд девочки. Напротив же, через стол, сидел грузный человек с лысым черепом, постоянно вздыхал и так же постоянно жевал: перед ним стояло большое блюдо с жаренными куриными ножками. Оля невольно сглотнула слюну, а живот предательски заурчал.

Грузный человек мгновенно встрепенулся и жирные щёки затряслись на его лице. Он выудил из своего необъятного блюда ножку курицы и протянул девочке. Та оглянулась на дядю Ваню.

— Кушай-кушай, — одобрительно сказал он. — С тебя тут никто денег не попросит, поверь мне.

Уже через мгновение перед Олей стояло столько еды, сколько ей не съесть и за неделю. Шашлык, курица, овощи и всё тот же маршмеллоу, правда слегка подгоревший. И кто-то позади, злым шёпотом, слышным на всю стоянку, отчитывал кого-то за подгоревшее лакомство и невероятно кривые руки, растущие определённо не оттуда, откуда им следовало бы расти. В ответ сбивчивый голос оправдывался, что последний раз жарил маршмеллоу где-то в прошлом тысячелетии.

Оля кушала, подкидывала Лучику самые красивые кусочки мяса и украдкой осматривала людей вокруг себя. Таких она ещё никогда не видела. Правда: по всему их виду можно было сказать, что жизнь их тяжела. Что нет в ней ни достатка, ни места излишествам или комфорту. Но они были счастливы. Они улыбались, смеялись. Готовы были поделиться всем с незнакомой девочкой, которую они, скорее всего, больше не увидят никогда: лишь бы она тоже была счастлива. Для них главное было в ту ночь – поделиться с ней этим своим простым счастьем. Чистым, искренним, не основанным не на чём. Ни на дворцах, ни на квартирах, а на пропахшем дымом шашлыке, на тёмном бездонном небе над головой и таком чистом, пусть и хриплым от табачного дыма, смехе, который им так хотелось передать грустной девочке, чтобы она хотя бы на один день забыла о своих невзгодах.

И Оля правда забыла. Нет, она не отбросила от себя мысли о маме, о доме, о своей семье. Но эти люди, это пламя костров и подгоревший маршмеллоу встали между ней и той катастрофой, которую она мечтала победить, найдя волшебника. Они встали между ними верными стражами, непоколебимой стеной, вернувшей девочке чувство счастья и безопасности хотя бы на эту ночь. Оля сидела, кушала шашлык, держа кусочек двумя пальцами, с интересом смотрела вокруг себя и с удовольствием улыбалась, когда дядя Ваня рассказывал очередную шутку и все вокруг взрывались искренним хохотом.

Откуда-то достали гитару и стали нескладно петь красивые песни. Кто-то положил ей на плечи плед, насквозь пропахший табаком и Оля с благодарностью в него завернулась. Веки стали тяжёлыми, звуки долетали до неё, как из-за плотно закрытой двери. Девочка стала клевать носом, изо всех сил борясь с дремотой: всем своим существом она понимала, что такой день, как сегодня, если и повторится, то очень нескоро.

Кто-то подхватил её на руки и понёс. Оля с трудом открыла глаза: дядя Ваня весело подмигнул ей. Хоть он и сказал ей, что здесь опасаться нечего, он-то знал, что здесь персонажи встречаются всякие. И дуреющие от алкоголя или просто, как он выражался, «дружащие с головой только по очень большим праздника». Поэтому весь вечер он не упускал её из виду и как только заметил, что девочка стала дремать, тут же подхватил её и отнёс в кабину, уложив в постель. Лучик тут же запрыгнул следом. Дядя Ваня не стал возражать.

— А как же вы? — еле ворочая языком, спросила Оля, окончательно проваливаясь в сон.

— Не переживай. Уж я-то найду где перекантоваться. Спи.

Оля услышала, как захлопывается дверца и дядя Ваня, суровым голосом, предупреждает, что приближаться сегодня к его грузовику – опасно для жизни.

Зашевелился рюкзак и уже через мгновение оттуда выбрался Тузя, деловито осматривая кабину. Оля приложила усилия, но всё же смогла отогнать от себя дремоту, хоть ненадолго. И дело здесь было не только в Тузе. Девочка приподнялась на постели и стала всматриваться в темнеющую полоску леса на окраине парковки: у неё вновь появилось ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Пристально, без ненависти, с неким удивлением и любопытством. Наверняка какой-нибудь голодный зверёк учуял запах пищу и рискнул приблизиться к людям ближе обычного.

— Тут безопасно, — сообщил Тузя, заглядывая во все углы. — Хорошо, что дядя Ваня взял тебя с собой. Он сможет нас защитить.

— От кого? — не поняла Оля.

— Да от кого угодно, — Тузя пожал плюшевыми плечами. — Тут народ, знаешь ли, тоже разный есть. Это с дядей Ваней тебе здесь бояться нечего. Да и мне. И Лучику.

— Они что – его бояться? Он кажется таким добрым.

— Так он и есть добрый. На самом деле. Но только пока вокруг всё по справедливости делается. А вот если нет… в общем, лучше никому до этого не доводить и не злить дядю Ваню. Он всю жизнь такой, да. Только слишком много работает. Всё работает и работает, даже вроде когда и не надо.

— Не может по-другому, — кивнула Оля, вспоминая рассказы Ивана о своей жизни. — Скучно ему без дела сидеть.

— Вот только возраст у него уже не тот, — Тузя потянулся и стал посматривать в сторону рюкзака, очевидно считая, что достаточно размялся на сегодня. — Стареет этот богатырь, стареет. Только отказывается признаваться в этом. Ладно, спи уже. Я же вижу, что из последних сил держишься.

Оля правда прикладывала все имеющиеся у неё силы, чтобы оставлять глаза открытыми. Или хотя бы полуоткрытыми. Она решила, что просто будет разговаривать с Тузей с закрытыми глазами: она хотела узнать у всезнающего друга о странном существе, которое как будто наблюдает за ней из чащи с тех пор, как ей встретился дядя Ваня. Но стоило ей всего лишь на миг закрыть глаза, как она тут же провалилась в крепкий, безмятежный сон. Наверное, Оля впервые с тех пор, как покинула дом, спала так крепко. С тех самых пор, как заболела мама.

12. Особенности работы водителем.

Оле снилось, что она едет в огромной кабине грузовика. Что к ней прижимается тёплым боком Лучик. Что она сбежала из дому, чтобы спасти маму. Ей снилось, будто она путешествовала по разным городам, встречала самых разных детей и взрослых, но всё же продолжала свой странный путь, несмотря ни на что.

Вдруг её кровать подпрыгнула, словно на волнах и Оля тут же открыла глаза. Сон оказался правдой: и побег из дома, и болезнь мамы, и кабина огромного грузовика.

Кабину заливал яркий солнечный свет. Они ехали. Ровный горячий асфальт отражал солнечные лучи и так же, как и накануне, нырял под грузовик. Вдоль дороги тянулись высоченные деревья, помнящие эти места ещё в те времена, когда люди, наверное, ещё понятия не имели, что такое асфальт.

Дядя Ваня сидел за рулём, держа в руке такую крошечную, по сравнению с его ладонью, бутылочку воды. Стоило Оле пошевелится, как Лучик тут же встрепенулся, звякнув ошейником. Дядя Ваня обернулся на них.

— А, проснулись наконец? Ну и вы давать храпу, конечно! Пол дня, считай, дрыхли. Намаялись, поди.

Он привычно расхохотался. На мгновение Оле почему-то стало стыдно за долгий сон. И дядя Ваня как будто это почувствовал.

— Да ты не расстраивайся, Оленька. С утра на стоянках ничего весёлого и интересного нету: каждый разъезжается куда ему нужно, и всё. Конечно, многие хотели с тобой попрощаться, но я не дал: я же видел, что вам двоим нужно как следует отоспаться. Когда у вас такая возможность последний раз была?

Иван вновь быстро посмотрел на лицо девочки. Как она отреагирует? Сегодня, пока он гнал грузовик всё утро, он всё думал о том, что происходит с ней и куда она на самом деле держит путь. Всё же тянуть с этим разговором не стоило. Пора.

— Там есть термос с горячим чаем и холодная водичка, если хочешь.

Дядя Ваня кивнул на пассажирское сиденье. Оля уселась в огромное кресло и сонно тёрла кулачком глаза, привыкая к яркому дневному свету.

Иван всё продолжал коситься на свою спутницу, не зная, с чего начать разговор. Как будто он испытывал стыд за то, что признается девочке, что та не смогла его обмануть своей сказкой о поездке к бабушке. В конце концов, у ребёнка точно есть причины не говорить что с ней происходит. Но всё же настало время эти причины выяснить. Девочка аккуратно пила воду из пластиковой бутылки, держа её двумя руками, замирая всем телом каждый раз, когда машина даже чуть покачивалась на ухабах, чтобы не разбрызгать жидкость по кабине.

— Значит так, — дядя Ваня, наконец, собрался с духом. — Человек я простой, прямолинейный, всякие хитрости придумывать не умею и не люблю. Поэтому скажу, как есть, ничего не утаивая. И ты уж меня прости, что я такое говорю, но по-другому у нас с тобой ничего не получится.

Оля застыла и смотрела на него круглыми от ужаса глазами, как загнанный в угол зверёк. Дядя Ваня, не смотря на всю его решительность и оставленные за спиной войны, ещё с минуту вновь собирался с духом, чувствуя на себе детский, полный страха, взгляд.

— Я знаю, что ты врёшь, будто едешь к бабушке. Вся эта история – полная ерунда от начала до конца, ты уж извини. Хотя бы та её часть, где маленькая девочка едет к бабушке одна, голосуя на трассе, чёрт возьми! Не считая конечно тебя, приятель, — бросил дядя Ваня оскорбившемуся Лучику.

Оля молчала, потупив взгляд. Впрочем, Иван и не рассчитывал, что она так просто ему всё расскажет. Он кивнул, словно в подтверждение своих мыслей.

— В общем, давай начистоту. Я тебе не враг. Если бы хотел, то давно бы сдал тебя ближайшему полицейскому, чтобы избежать проблем. Но если ты мне всё не расскажешь, как есть, то мне придётся именно так и поступить. Как бы мне не хотелось поступить иначе. Ты же явно умная девочка, раз справляешься со всем сама. Так поступи умно и сейчас. Какой бы она не была, говори её. Правду. Уважаю только правду в этой жизни. А я обещаю тебе помочь, какой бы эта самая правда ни была. Я сделаю всё, что в моих силах.

Оля шмыгнула носом, окончательно опустив голову и смотря на коврик на полу кабины, готовая расплакаться. В какой-то миг она правда начала думать, что дядя Ваня поверил ей и получится проехать с ним бóльшую часть пути. Увы, этим планам не суждено сбыться. Наверное, уже и о поиске волшебника можно будет забыть. Деваться, равно как и терять, теперь было нечего.

И Оля всё рассказала, так и не поднимая головы. Про маму, про их сорванный отпуск, про её болезнь. Про волшебника, про Борю, дядю Гришу и все-всех-всех остальных. Она даже достала, чуть не плача, из рюкзака Тузю и продемонстрировала его. Но игрушка в этот раз безмолвствовала и не проявляла никаких признаков жизни.

Дядя Ваня молча слушал рассказ девочки, то и дело прерывающийся всхлипываниями. И поражался мужеству этой малышки. Конечно, в её возрасте он сам был фактически предоставлен сам себе, да и оба его сына, сорванцы, уже вовсю доставляли хлопот в свои двенадцать лет. Но пассажирка дядя Вани затмила всех остальных, вместе взятых! Сбежать из дома, проделать такой путь! И не ради протеста, не ради жажды приключений или открытий, коими двигают большинством детей и подростков. Цель путешествия была более, чем благородная. Спасти маму. От одной мысли об этом к горлу сурового и повидавшего так многое дяди Вани предательски подступил комок. Эта девочка пошла наперекор судьбе и везла в рюкзачке снимок семьи приютившего её мальчишки, чтобы попросить волшебника не только об исполнении своего, но и его желания. Чистое, светлое сердечко!

«Что это, если не лучик света в нашем дрянном мире?» — думал дядя Ваня. Он видел за свою жизнь так много боли, так много смертей и так много отчаяния, что не мог представить себе мир добрым и светлым местом. Всегда, когда он видел детскую улыбку или счастливую пару на скамейке в парке, дядя Ваня вспоминал, сколько ужасов происходит на земле в эту самую минуту. И каждый раз задавал себе вопрос: почему так? Почему же люди так озлоблены друг на друга? Почему готовы убивать друг друга миллионами за обломки камней и изречения в древних книгах?

Потому что они перестали верить в чудеса, мелькнуло в его голове. Да, именно так. Взрослые не верят в чудо. Чудес не бывает, есть только холодный расчёт, собственная выгода, а впереди ждёт лишь непроглядная тьма и нужно успеть пожить как можно дольше, как можно слаще до того момента, как эта тьма поглотит тебя без остатка. А уж если ты не можешь пожить сладко, то сделай всё, от тебя зависящее, чтобы и другим сладко не жилось. Не можешь и этого? Тогда хотя бы тихо радуйся чужим неудачам.

Иван Александрович покосился на опустившую голову девочку, вздрагивающую всем телом от рыданий.

Но только не дети, думал он. Дети – они другие. Их души ещё на запятнаны теми омерзительными правилами, существующими во взрослом мире. Нам кажется, что эти правила естественны для нашего мира, но это не так. И дети лучше всего это доказывают. Мы не рождаемся с этой жаждой наживы, жаждой власти и желанием забраться выше других или хотя бы сбросить остальных пониже себя. Не-е-е-т, изначально нам это чуждо. Это наш мир, наше общество, наши устои и законы развращают души, превращая нас из мечтателей, верящих в свет и чудеса, в омерзительных монстров, мало того, что не видящих ничего, кроме собственного комфорта, так ещё и отравляющих всё вокруг этой страшной душевной слепотой.

Оля всхлипывал всё реже, потихоньку успокаиваясь. Всё зависело от того, что решит дядя Ваня, а от её собственных решений, а значит, и от мыслей, сейчас ничего не зависло. И эта простая истина придавала ей ощущение лёгкости, непонятной свободы. Оля украдкой посмотрела на него.

Кустистые седые брови дяди Вани сошлись на переносице. Он напряжённо думал. Но не о том, о чём предполагала Оля. Иван Александрович уже принял решение, а сейчас больше размышлял об ужасах нашего бытия.

— Я тебе помогу, — наконец, сказал дядя Ваня. — Если единственный способ спасти маму – это найти волшебника в сибирской тайге, то этим способом непременно нужно воспользоваться. Здесь и думать нечего.

Оля просияла, но тут же сконфузилась, когда дядя Ваня серьёзно взглянул на неё.

— Но при одном условии, малышка. Сначала мы доедем до Казани и сдадим груз. Ты сильно не расстраивайся на этот счёт: так или иначе, это в сторону Сибири. А потом, налегке, мы поедем за твоим волшебником, где бы он ни находился и сколько бы времени это не заняло. Я тебя не брошу, обещаю.

Оле хотелось прыгать до потолка и кричать от восторга. О таком она и мечтать не могла. Дядя Ваня не просто её не выгнал, не просто не отправил домой, а повезёт её прямиком в Сибирь! До этого момента, каждый день, она гнала от себя жуткую мысль, что понятия не имеет, как доберётся до Сибири. В конце концов, она только маленькая девочка. До сего дня ей везло, но даже она сама понимала, что везение не может длиться вечно. Теперь же, Оля не просто нашла взрослого, готового ей помочь, Оля нашла взрослого на огромном грузовике, знающего все дороги отсюда и до Сибири как свои пять пальцев! Лучику передалось настроение хозяйки, коего он не чувствовал у неё с тех пор, как они покинули дом и стал скакать по всей кабине и громко лаять. Дядя Ваня расхохотался.

— Тихо-тихо, приятель. Здесь тебе не лужайка. Своротишь же что-нибудь!

Иван Александрович вздохнул и привычным движением положил руки на отполированный до блеска, прикосновениями, руль. На душе у него было чисто и светло. Так чисто и светло, как не было уже много лет. Он ни на секунду не сомневался в верности своего решения. Не сомневался, потому что солнце стало светить ярче, трава зеленела сочнее и даже встречные машины выглядели веселее обычного. А в душе пели птицы. И он наконец вспомнил, когда испытывал такие ощущения последний раз. Когда забирал своего будущего приёмного сына из детского дома: мальчишку, который никому не был нужен. Нет никакого волшебника и быть не может, но для этой маленькой девочки нет ничего важнее этой цели во всём мире. И если эта поездка подарит ей хотя бы пару недель счастья и спокойствия, то не ему лишать её этого. А потом дядя Ваня отвезёт её домой. Чтобы девочка могла проститься с мамой, которая безнадёжно больна. Возможно его за это посадят, как за похищение. Но Иван Александрович слишком стар, чтобы бояться тюрьмы. Чтобы бояться хоть чего-нибудь. Он покосился на девочку, улыбающуюся до ушей. Да, ради того, чтобы осчастливить ребёнка, стоит проехать полстраны.

— Ладно, тебе пора чего-нибудь поесть, — прервал ликование дядя Ваня.

Оля деловито полезла было раскрывать свой рюкзак, но Иван прервал её.

— Нет-нет, никаких пирожков, батончиков или что там у тебя. Тебе нужно хорошо кушать. Скоро мы доедем до кафе с лучшей кухней на всём земном шаре. И, кстати, там ещё живёт самый толстый в мире кот. Серьёзно, таких толстых котов ты ещё не видывала. Я сам прям обалдел, когда увидел эту зверюгу впервые. Приятель, ты как: к котам нормально относишься?

Дядя Ваня обернулся на Лучика, тот в задумчивости наклонил голову, как будто бы не понимая о чём идёт речь.

— Вот и отлично. Не стоит обижать котеек. Тем более он там чуть ли не самый главный. Да и размером почти с тебя. Так что ещё неизвестно, кто кого съест.

Вскоре дядя Ваня стал притормаживать и их грузовик съехал с трассы, остановившись на обочине. Через дорогу виднелась небольшая парковка, утопающая в дорожной пыли: для их многотонника там места бы не хватило. Вообще, она больше походила на пустырь. Возле парковки расположилось заведение – кафе, стилизованное под избу. Оно было совсем небольшое, чуть покосившееся, вид стен имитировал брёвна, потемневшие от времени. Но современные пластиковые окна выдавали истинный возраст строения. Перед входом было крошечное крылечко, над ним висела выключенная гирлянда с большими лампочками и скромный баннер «Кафе». Чуть справа, за стоянкой, стояли несколько столиков со стульями, а дальше, на склоне, ведущему к густым зарослям кустарника, виднелся туалет. И не какой-нибудь там пластмассовый биотуалет, а самый настоящий, деревенский, сколоченный из свежих досок, всё ещё пахнущий смолой и лесом.

Оля с помощью дядя Вани выбралась из кабины и с сомнением смотрела на покосившееся сооружение. Нет, она никогда не была привередой и за свои двенадцать лет всего пару раз бывала в ресторанах с мамой и папой и потому едва ли могла успеть к ним привыкнуть, но… это кафе вызывало в её душе большие сомнения. Зданьице, спрятавшееся среди обнаглевших разросшихся кустов, выглядело неважно: крыша уже чуть позеленела от растущего на ней мха, а покрытая толстым слоем дорожной пыли большая гирлянда, пущенная вокруг здания, больше напоминала издёвку, чем украшение. На парковке-пустыре, стояла пара легковушек. Мимо, по трассе, с рёвом проносились автомобили, обдавая их потоком горячего воздуха и удушливой пыли.

— И это здесь подают самый лучший на планете шашлык? — на всякий случай уточнила Оля.

Дядя Ваня привычно расхохотался. Смеялся он много, с удовольствием и в такие моменты как будто бы становился выше ростом и шире, раздуваясь, как шар.

— Точно тебе говорю! Вкуснее не бывает. А я много где побывал, поверь мне. Ты ещё так и не поняла? Внешность бывает обманчива, юная леди. Так что не суди о конфете по обёртке.

Оля вспомнила, как ей как-то попалась конфета с самой омерзительной обёрткой из возможных: сочетание фиолетового и лилового цветов с изображением страшного клоуна, которому место в фильмах ужасов, а не на лакомстве. А конфета внутри оказалась омерзительна на вкус, да.

Тем временем, они нырнули под тёмный козырёк и зашли внутрь. Кафе оказалось на удивление уютным и просторным: по правую руку был небольшой зал с чистыми столиками, в углу висел старый пузатый телевизор. Шёл какой-то бесконечный отечественный сериал, один из тех, который можно смотреть с любой серии, хоть с последней: всё равно не пропустишь ничего важного. За одним из столиков сидела пара: парень и девушка. Они пили чай и о чём-то хихикали, близко склонившись головами друг к другу. В помещении пахло супом, пирожками и совсем чуть-чуть пылью.

По левую сторону, в светлой комнате располагался прилавок с всевозможными булочками, на столешнице установили небольшое меню из десятка позиций (на выбор три первых, три вторых и три гарнира). В глубине помещения, чуть в тени, стояли стеллажи со всевозможными соками, нектарами, минеральными водами, газировками и всем тем, чем можно утолить жажду в жару. Олю тут же привлёк небольшой морозильник с мороженым, стоявший у окна, напротив прилавка.

За прилавком, возле современной электронной кассы, стояла максимально несовременная кассирша-буфетчица, словно сошедшая с плакатов заведений общественного питания прошлого века. Эта дородная, большая, пышная дама спокойно смотрела на посетителей сверху вниз. На буфетчице был белоснежный передник и не менее белоснежный чепчик. Она буквально дышала здоровьем, крепостью и уверенностью. Толстая коса светлых волос была убрана за спину, глаза, как мы говорили, смотрели спокойно, но доброжелательно. Дама была искренне

рада гостям. Мельком взглянув на девочку, прилипшую лицом к морозильнику с лакомством, она чуть улыбнулась мягкой, добродушной улыбкой.

Дядя Ваня привычным жестом надел свои маленькие очки и стал изучать меню.

— Здравствуйте, — пробормотал он, не отвлекаясь от меню. — А ваш знаменитый шашлык сегодня есть?

Дама расплылась в довольной улыбке, став похожей на Чеширского кота и узнав в дяде Ване ценителя их маленькой кухни.

— Да, конечно есть. Две порции?

— Четыре.

Оля, наконец, отлипла от морозильника, выбрав, как она решила, самое вкусное мороженое в ассортименте самого лучшего кафе. Она поставила свой рюкзак на пол, намереваясь достать оттуда свой кошелёчек.

— Э, нет, — дядя Ваня заметил её манипуляции. — Ты это брось. Успеешь ещё денюжки потратить. Что ты там выбрала? Показывай.

Дядя Ваня оплатил обед на двоих и, конечно же, мороженое. Сказав буфетчице, что они пообедают на свежем воздухе, он вывел Олю на улицу, где их терпеливо ждал воспитанный Лучик. Пёс радостно гавкнул, словно неделю не видел хозяйку.

Друзья разместились за широким столом, поставленным возле кафе. Дядя Ваня сложил могучие руки на столешницу и сладостно вздохнул, наслаждаясь прохладой тени. Машины всё так же проносились стальным потоком по трассе, но до стола не долетали ни пыль, ни зной. Здесь чуть слышно шумел лес, давая приятную прохладу. Здесь не хотелось спешить, хотелось на мгновение прервать своё путешествие по трассе, чуть выдохнуть, успокоиться, и вспомнить, куда ты, собственно, движешься, откуда и, самое главное, зачем.

И тут из-за кафе вышел он. Сначала Оля даже не поняла, что это или кто это. Какая-то огромная тень отделилась от дальнего угла и стала двигаться в их сторону. Наконец, это нечто вышло на свет. Тенью оказался рыжий кот невероятных размеров, больше напоминающий габаритами большую перьевую подушку. Красивая лоснящаяся шерсть блестела на солнце, кот двигался аккуратно и не спеша, понимая всю свою значимость и важность торжественного появления перед новенькими. Оля почему-то подумала, что ему бы пошли синенькие штанишки на подтяжках. На мгновение зверь остановился, зажмурившись, чтобы все могли его как следует его рассмотреть. Лучик неуверенно гавкнул. Кот открыл один глаз и с неодобрением посмотрел на него, словно тот решил кричать в оперном концертном зале в разгар представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.